

**ПОХИЩЕНИЕ
ЕВРОПЫ**

Андрей Бинев

АВТОР УБЕДИТЕЛЬНО ПРОСИТ ЧИТАТЕЛЕЙ ПОЖИЛОГО И ПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА НЕ ПЫТАТЬСЯ ПОВТОРИТЬ ЭТОТ ОПЫТ. ОН СМЕРТЕЛЬНО ОПАСЕН. ТЕМ БОЛЕЕ, МОЛОДЫМ НЕ СТОИТ ЗА ЭТО БРАТЬСЯ.

Андрей Бинев

Похищение Европы

«Автор»

Бинев А.

Похищение Европы / А. Бинев — «Автор»,

ISBN 978-5-373-04324-3

«Я всегда любил московское метро, с юности, даже с раннего детства. „Мне в моем метро никогда не тесно, потому что с детства, оно как песня, где вместо припева, вместо припева: стойте справа, проходите слева...“ Попробуйте произнести это самое „с раннего детства“ скороговоркой. Что получится? Таким оно и было! Счастье-то какое! Ведь естественно же! Каким же еще должно быть детство! Я другого и не знал. Папа покойный – военный, скромный, до высоких чинов не дослужился, мама, тоже давно уже покойница, – учительница младших классов. И детство соответствующее. Булат Шалвович ухватил за самое то – за детство. Никогда не тесно, стой справа, шагай слева...»

ISBN 978-5-373-04324-3

© Бинев А.

© Автор

Содержание

Чтоб я так не жил	6
Не наши имена	8
Цветы, которые мы оба не любим	13
Цветы, которые мы оба любим	16
Паня может еще записочку написать	18
Геродот, рюмки и клавиши	21
Внучки приехали	24
Опыт, который не пропьешь, как талант	28
Как я низко пал	39
Заговор приговоренных	41
Похищение	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Бинев

Похищение Европы

*АВТОР УБЕДИТЕЛЬНО ПРОСИТ ЧИТАТЕЛЕЙ ПОЖИЛОГО И
ПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА НЕ ПЫТАТЬСЯ ПОВТОРИТЬ ЭТОТ ОПЫТ.
ОН СМЕРТЕЛЬНО ОПАСЕН. ТЕМ БОЛЕЕ, МОЛОДЫМ НЕ СТОИТ ЗА
ЭТО БРАТЬСЯ.*

Андрей Бинев

*Порядок вечен,
Порядок свят.
Те, что справа стоят – стоят.
Но те, что идут,
Всегда должны
Держаться левой стороны.*

Булат Окуджава

Чтоб я так не жил

Я всегда любил московское метро, с юности, даже с раннего детства.

«Мне в моем метро никогда не тесно, потому что с детства, оно как песня, где вместо припева, вместо припева: стойте справа, проходите слева...».

Попробуйте произнести это самое «с раннего детства» скороговоркой. Что получится? Таким оно и было! Счастье-то какое! Ведь естественно же! Каким же еще должно быть детство! Я другого и не знал. Папа покойный – военный, скромный, до высоких чинов не дослужился, мама, тоже давно уже покойница, – учительница младших классов. И детство соответствующее.

Булат Шалвович ухватил за самое то – за детство. Никогда не тесно, стой справа, шагай слева.

Я вообще из непрестижного поколения. Родился в середине прошлого столетия, то есть в минувшем тысячелетии. По большому счету – мастодонт, динозавр, вымерший тип. Вымирали всегда крупные особи, то есть те, кому нечего было жрать, потому что их не прокормишь, или те, рядом с кем образовался иной, более агрессивный вид, который соседа, в худшем случае, – пожрал или, в лучшем случае, – отобрал жрачку. Еще вымирают, когда какой-нибудь катаклизм – море-океан вышло из берегов, климат сорвался с катушек, например, Африка стала Сибирью. Тут и жрачки никому не хватит! Одни ветра, снега и лютый мороз... Словом, *полный куздрец*, как говаривал один мой старый приятель, тоже мастодонт.

Со мной все так и случилось – особь достаточно крупная, рядом неожиданно-негаданно образовался агрессивный вид других особей, кои активно отжирают от меня целые куски, и климат из умеренно-болотного стал неумеренно-катаклизмическим.

Еду в метро. Хоть мне в моем метро никогда не тесно, но рядом все же душно, сперто, миазматично, страшноватенько, потому что все очень сурово. Здесь концентрация суровости нашей жизни особенно острая. Как бывает на вокзалах или автостанциях – вся грязь, все несчастья, все нечистоты, все неудачи и несбывшиеся надежды тут собираются. Душно, сперто, миазматично...

Подмышкой у меня запечатанный наглухо пакет в потертом пластиковом мешочке. На мешочке реклама какого-то современного продукта, имеющего непонятную мне иностранную кличку – выписано стройными английскими буквами. То ли Хай Фай, то ли Хай Вей, то ли еще какой-то «хай». Мне это ни о чем не говорит. Просто я завернул в пакетик то, что должен довести до очередной конторы. Из одной конторы в другую. В запечатанном пакете нет ни для меня, ни для грабителей ничего, казалось бы, ценного. С такими пакетиками меня гоняют по родному городу и прилегающей к нему гигантской областью на общественном транспорте с утра до ночи. Туда-обратно, тебе и мне приятно. Был такой стишок-загадка в том самом детстве. Оказалось, это всего лишь качели. А думали что? Тебе и мне приятно. Сердце щемило, глазки посверкивали. Тогда все еще было впереди. Туда-обратно, туда-обратно! И ведь понимали, что не о том, а думали как раз о том.

У меня много времени для воспоминаний. Этим я и живу последние полгода. Потому что я теперь просто курьер. То есть не курьерский поезд, летящий сквозь мороз и пекло, сквозь мглу и марево зноя от дальней станции к другой дальней станции, а человек-курьер.

Я везу запечатанные конверты, в которых таможенные декларации, документы отгрузки-погрузки, анкеты, расписки, записки, всякая бумажно-штабная штатская дрянь. Где-то стоит, потея от скуки и нетерпения, шоферня большегрузных фур и ждут, когда прискачет неприметный, молчаливый мужичишка, шмыгающий простуженной носопырккой, и привезет в потной подмышке то, что подтолкнет их разгрузку, растаможку, расфасовку, и они, свободные, облегченные, вот уж поистине курьерским ходом, вернутся назад в свои далекие порты.

А я зашкандыбаю в обратном направлении с уже отпечатанными, подписанными тонкими, почти папиросной фактуры, бумагами о том, что груз принят, сдан, вес такой-то, цена такая-то, порт такой-то, подпись, печать, число и прочее.

Через мои руки проходят бешеные деньги. Я их не вижу, не чувствую, но они все равно через них проходят. Тысячи, сотни тысяч и даже миллионы. Они текут неприметной, скучной строкой в таможенных бумагах, тихо сочатся из каждой запятой, из каждой точки, из каждой циферки. Сдал-принял, отправил, оплатил. На бумагах – «синяки», как бланш под глазом. Это – печати и штампы. Вот и вожу туда-сюда синяки и подписи под циферками с многими-многими нулями...

Я не всегда так жил.

Не наши имена

Итак, я еду в моем метро. Обычно заскакиваю в вагон и сразу устремляюсь в уютный уголок, который примечаю еще стоя на платформе в дурно пахнущей толпе. Сразу прижимаюсь задом к противоположной двери и тут же раскрываю книжку, обычно небольшую, которую на американский манер принято теперь называть «покет-бук». Попробуй, потаскай с собой что-нибудь потяжелее!

Если освобождается место на диванчике, тут же, не взирая ни на что, плюхаюсь на него и сразу углубляюсь в книжку. Схема в метро у меня в голове буквально вытатуирована. Зеленый, желтый, синий цвета линий – это для тех, кто в метро редкий гость. А я тут почти живу.

Также в последнее время мне наплевать, кто стоит надо мной и тяжело дышит – старушка, старичок, даже иной раз инвалид какой-нибудь. Я тоже почти инвалид и тоже старичок. Мне в следующем году на пенсию. Не смотрите, что я высокий, стройный, подтянутый. Внутри одна труха, особенно это касается того места, где у людей вроде бы душа живет. Правда, у кого где... У меня сначала в груди жила, потом в мозги перекочевала. Но я знаю многих, у кого она как в заднице была, так там и осталась. А может быть, этот инвалид, что тяжело и очень даже демонстративно пыхтит надо мной, свою нетленную душу как раз в том месте и носит!

Уступаю я всегда только беременным женщинам и малым детям. Потому что сам никогда беременной женщиной не был и претензий к этой категории пассажиров иметь не могу по определению. Что касается детей, то я уже и сам дед. У меня двое девок, двое внучек, которых я вижу раз в полгода. Это если моя дочь куда-нибудь ускакивает с очередным своим поклонником, а девок девать некуда. Недельку-другую я могу с ними посидеть. Мой отпуск так и проходит. Обе рождены от двух разных страстных поклонников. Поэтому одна – Дашка, рыжая бестия, а вторая, Машка – жгучая брюнетка. Дашке – десять, Машке – одиннадцать. Но Дашка крупнее Машки, выше и тяжелее. В папу, наверное, которого я никогда не видел. Машка зато умная и злая. Худой колючий куст черной розы. И глаза – черные, как греческие маслины. Дашка... эту в будущем будут называть Дарьей Марковной, а Машку – Марией Аскольдовой. Вот ее папочку Аскольда я видел пару раз – не то литовский цыган, не то еще что-то в этом роде.

Так что детям и беременным бабам я место в моем метро уступаю. У меня с ними мир.

Читаю книгу. Потрепанный том Грэм Грина. «Меня сделала Англия» называется. Некий Энтони, неисправимый романтичный грешник, неудачник и эдакий домашний гений пытается вывернуться из благополучия, которое ему навязывает его предприимчивая сестра-двойняшка. Она на полчаса его старше и поэтому больше знает о жизни.

Я тоже Энтони. Антон по-нашему. И тоже из двойняшек. И моя сестра старше меня – на целый час. И знает она о жизни ровно настолько же больше. Живет на дымной Камчатке с мужем и тремя детьми. Мы не видимся уже шесть лет, потому что ни у кого нет денег на самолет, чтобы прилететь в гости. Мы так и умрем друг без друга – на похороны ведь не приедешь по той же причине.

Книжку я купил первого мая на развале у Большого театра. Там, как всегда, собралась шумная, экзальтированная толпа красных пенсионеров и розовато-бежевых юных истериков. Пенсионерам краснеть уже больше некуда, а этим истерикам еще можно стать насыщеннее – красно-коричневыми. У них еще не угасла в этом смысле кое-какая перспектива. Если только кто-нибудь на той разбойничьей дорожке им хребет не сломает. Или если не сопьются раньше.

Реют флаги, красные, несвежие, а нищенского вида торгаши с бегающими глазками разложили на парапетах парка у театра сотни подержанных книг. Полтинник за любой томик – от выдуманной биографии какого-нибудь красного террориста или идейного уголовника до скромных покетбуков, тоже стареньких, потрепанных, любых классиков. И Сталин тут есть, и Ленин, и даже Брежнев со всеми «своими» тремя книжками-плакатиками.

Я купил томик Грэм Грина. Раскрыл его дома, а оттуда выпала записулочка. Желтая такая, то есть пожелтевшая. Исписана ровным стройным почерком образованного человека. Сейчас так никто уже не пишет, руки стали грубыми, кисти слабыми. Только пальцы укрепились – чтобы по клавишам компьютера долбить. В записке было следующее:

«Больше не могу. Ухожу от всех. Вините только меня. 20 часов 11 минут. Ваша Паня». Ничего себе закладочка!

Я долго фантазировал на эту тему: кто была эта Паня, осуществила ли она после 20 часов 11 минут свою греховную акцию, то есть ушла ли от всех, как тот глупый колобок, или струсилась все же, дочитала книжку, а записулку вложила в нее как закладку или как немой укор себе самой.

Я эту книжку читаю слишком долго. Люблю Грина, но он, по-моему, бывает занудным. То все бежит у него, искрится даже, все так знакомо, так лично, а то – тягомотина какая-то англосаксонская, пустой чай с сухим молоком в файв-о-клок. И опять побежал. Между прочим, в детстве Грэм Грин, обиженный одноклассниками в привилегированной школе, несколько раз пытался свести счеты с жизнью.

Может быть, это подтолкнуло грамотную Паню к своему роковому решению?

Но Грэм выжил и даже Оксфорд окончил, да еще в разведке служил, Интеллидженс Сервис. Умная Служба, называется. Вот как! Это мне близко.

Так что Паня? Она тоже предпочла тяжелую жизнь легкой смерти? И что для нее было легким, а что тяжелым?

Вот так я фантазировал и читал Грэм Грина в метро, а записку бережно хранил дома. Не каждый день ведь можно добыть такой автограф.

Напротив меня сидела женщина лет сорока или чуть больше, в растянутом зеленом свитере и в заношенных джинсах с белыми потертостями на коленях и бедрах. Я увидел ее сразу, как только зашел в вагон – хороша, хоть вид у нее потрепанный, правда, чуть меньше, чем у ее одежды. Крупная грудь, которую даже растянутый свитер скрыть не в состоянии, крутые, стройные бедра, росточка, видимо, средненького. Шатенка несколько в рыжину, серые, злые, глубокие глаза, прямой нос с чуть великоватыми крыльями ноздрей и подбородочек с глубокой мужской ямочкой. Губы изящной формы, контрастно очерчены, как нарисованы.

Я разглядывал ее, подняв высоко книгу и не без удовольствия наблюдая за ней поверх обреза. Мне всегда нравились такие милые неряхи – в них есть что-то от первозданного греха. От них остро пахнет вождением, даже если они сейчас промыты. Неряшливость – их фирменный стиль. От неумелого или наплевательского макияжа до стоптанных штиблет. Вся их ценность – под одеждой. Сочная, притягивающая. У меня к ним почти животное чувство. Как у зверя на запах, понятный лишь одному ему.

Она свела почти невидимые, светлые бровки и теперь буравила меня серыми глазищами. Зло смотрела. Мне показалось, как будто с презрением. Еще бы! Я уже стар даже для нее.

До конечной остановки остался один длиннющий перегон, за который я успевал обычно прочитать страниц семь. Вагон опустел на предыдущей станции. Остались лишь мы вдвоем.

Она решительно поднялась и нахально села рядом со мной.

– Как вам книжка? Нравится? – она спросила это, глядя на меня в упор, прищурясь.

– Нравится, – ответил я, – Местами.

– Какими местами?

– Понятными.

– А что тут непонятного?

– Их привычки... Не люблю чужих привычек.

Она усмехнулась.

– Откуда у вас этот том?

– Купил.

- Где купил?
- На развале.
- У Большого?
- У Большого.
- Когда?
- С неделю назад.
- Серенький такой типчик продал? Да?
- Не запомнил. Невзрачный какой-то. Но цвет не запомнил – может быть, серенький, может быть, красенький, а может и голубенький. Сейчас все может быть, особенно, у Большого. А что?
- Это мой брат. Он книжками там торгует по праздникам. А в будни таскается с ними на Арбат. Он – серенький. И не голубенький. Немножко красенький. Это от нищеты духовной.
- Зачем вы меня об этом спросили?
- Это моя книга. Я ее узнала. Посмотрите, на десятой странице в уголке поставлен восклицательный знак. Я так свои книжки мечу.
- Вы – Паня? – я вдруг заволновался, быстро заглянув на десятую страничку и тут же обнаружив незамеченный мною раньше восклицательный знак.
- Нашли записку?
- Нашел. А вы меня что, выслеживали, Паня? Хорошо хоть живы, слава богу! А то я уж думал...
- Вы болтун!
- Почему болтун?
- Потому что в четырех коротких фразах задали сразу несколько вопросов. Это свойство болтуна.
- Ну, спасибо! Уважили.
- Ага.
- Ну так вы Паня?
- Ни в коей мере. Я – Панина дочь.
- А Паня? Она жива?
- А что с ней делается? Такие закладки как в этой книжке у нас еще в пяти, не меньше.
- Так это у нее такая привычка? Прощаться и никого не винить?
- Она дура. Образованная старая дура. Неудавшаяся поэтесса. Ни одной книжки не издано.
- А вы кто?
- Я ее дочь, и поэтому согласно генетике тоже дура.
- А меня зовут Антон.
- Энтони? Как героя Грэма Грина?
- Почти. Но он Энтони, а я всего лишь Антон.
- Ответить на другие вопросы?
- Сначала имя.
- Эдит.
- Что?
- Эдит. А вы думали, я вам сказала – «иди ты»? – она зло рассмеялась и прищурилась.
- Так и подумал.
- Это меня Паня так назвала. Разве может умная мать в СССР живого ребенка Эдитой назвать?
- А певица?
- Ее не у нас назвали. У нас она только пела...и поет... Так отвечать на остальные вопросы?

- Валяйте.
- Я вас не выслеживала. Сидите, читаете книгу, мою, заметьте, книгу. Я вспомнила, там была Панина закладка. Вот и подсела. А вы что подумали?
- Что вы меня клеите.
- Вы себя в зеркало давно видели?
- Давно. Лет пятнадцать назад.
- Пятнадцать лет назад я и сама еще в зеркало гляделась. Ничего была...
- Вы и сейчас ничего.
- Вот сейчас, подозреваю, именно что «ничего». Отвечаю еще на один вопрос – Бога нет.
- То есть?
- Вы сказали: «хорошо хоть живы, слава богу!» А бога нет и никогда не было.
- Вы убеждены?
- А вы что сомневаетесь? Вы дурак?
- Мда... Однако... Слушайте, вы-то сами нормальные?
- Мы-то как раз очень даже. Вы где работаете?
- Я?
- Вы что, еще и тупой?
- Вообще-то да. Я – курьер.
- Надеюсь, не наркокурьер?
- Надейтесь.
- Так есть бог или нет? Если он есть, то почему вы, человек с недурным образованием... это у вас на лице написано в виде постоянной растерянности... работаете мальчиком на посылках? Вы в психушке лежали?
- Пока нет. Но как только приедем на конечную станцию, сразу обращусь к врачу. Вы на меня волшебным образом действуете.
- Машинист в далеком своем первом вагоне как будто только и ждал этих слов. Поезд резко набрал скорость и тут же стал тормозить на светлой, белого искусственного мрамора станции.
- Я поднялся и захлопнул книжку прямо перед носом Эдит. Она криво ухмыльнулась и тоже поднялась. Мы одновременно вышли на пустую гулкую станцию без единого пассажира. Из далекого вагона в самом конце состава вышла какая-то парочка и быстро побежала по лестнице наверх.
- Послушайте, Энтони... Верните мне закладку.
- Записку вашей Пани?
- Да... её.
- Зачем она вам? Сами же говорите, такие прощания у вас еще в пяти книгах заложены.
- Не хочу, чтобы она гуляла где-то. Брат тырит все из дома. Он пьяница. Вот и Грина уволок... с закладкой. Верните мне ее. Книжку можете оставить себе.
- А как брата зовут?
- Это вам зачем?
- Интересно. Мама – Паня, дочь – Эдит, а брат, наверное, Геродот.
- Откуда вы знаете? Мы его вообще-то Герой зовем. Но он действительно Геродот.
- Я случайно угадал. Приколотся просто. Хорошее современное словечко, хотя, наверное, уже отстой... Тоже неплохое слово...
- Прикольный, значит?
- Есть немного. Старый прикольник. Мне на пенсию скоро.
- А по виду не скажешь...
- А вашего папу как зовут? Только не говорите, что Аристотель.
- Скажу. Его действительно звали Аристотелем, а деда Софоклом. Аристотель Софоклиевич. Папы давно уже нет. Вы вернете записку?

- Верну, Эдит Аристотиелевна. Назначайте место и время.
- Завтра, в пять вечера. Место сами называйте. Хотите, здесь? На этой станции.
- Вы что, здесь живете?
- Нет, это я просто за вами ехала. Увидела свою книжку в руках и поехала. Я должна была на кольцевой сойти.
- Тогда давайте в тупичке на Новослободской.
- Идет. В пять, завтра. С запиской. И без цветов. Терпеть их не могу.
- Какие особенно не любите?
- Вообще-то все. Но особенно пионы, белые, с розовыми провалами, огромные такие... Мерзость просто!

Подошел встречный поезд, Эдит быстро нырнула в ближайший вагон. Я побрел наверх по светлой пустой лестнице. Навстречу мне спускались двое молодых полицейских, которых еще совсем недавно звали милиционерами. Один из них с подозрением оглядел меня. Второй недовольно дернул его за рукав – пойдём, мол, нечего цепляться, надоели все!

У меня редко проверяют документы. Но сейчас, наверное, рожа у меня была довольная, а значит, в нашем столичном городе подозрительная. Я тоже думал, что терпеть не могу огромные, чудесные, белые пионы с розовыми провалами и глуповато усмехался этой неожиданной мысли. И еще я подумал, что Паня все же жива. Интересно, а какое у нее имя полное? Завтра спрошу. Наверное, Параскева какая-нибудь. С этих станет!

Цветы, которые мы оба не любим

Я приоделся. Наконец снял с себя опостылевший несвежий пятнистый наряд – куртку и брюки с неисчислимым количеством глубоких карманов. В этом примитивном «прикиде» я еду по городу со своими пакетиками и конвертиками. Сливаюсь с нищей толпой обитателей подземки.

Офис, в котором я работаю, расположен как раз между Новослободской и Менделеевской, в путаном старом дворе. Здесь таких контор много – шахеры-махеры, как их называет моя дочь. Зато все руководители там сказочно богаты. И пропорционально наглы.

У меня сегодня выходной. Раз в десять дней мне положены два дня безделья. Далеко не всегда они приходятся на субботу и воскресенье. Но на это мне наплевать.

На мне джинсы, новые. Дочь подарила. Дорогие, между прочим. Серый свитер. Ему лет двадцать с гаком, но он еще ничего. Почти неношенный. Светлая ветровка. На ногах бежевые ботинки с высокой шнуровкой. Это я сам себе купил под прошлое Рождество. Подарок сделал. Все очень радовались – и тот, кто купил, и тот, кому подарили. Правда, это одно и то же немолдое лицо, но радости было – на двоих. Даже напились оба... в одиночестве. Дома.

Я заменил белье и носки. Тут у меня регулярность утеряна. После развода вообще многое было утеряно. В дополнение к тому, что утеряно до развода.

У метро всегда был недурной цветочный ларек. Я часто заглядывался на него со стороны. Оттуда хорошо пахло. А я ценю тонкие запахи. Но теперь цветочного там нет, поэтому пионы, белые, с розовыми провалами, нежные, расчудесные, которые мы с Эдит просто ненавидим, пришлось купить на Селезневской.

Вот будет злиться! Пионы! Только не пионы! А что еще? Она всё не любит, но особенно пионы.

Я спустился в метро, опустив букет цветами книзу. Так в Риге носят цветы. Я видел это там много лет назад. Мне понравилось. Что-то в этом мужественное есть – вниз головой, чтобы потом вверх.

Смотрю на наручные часы. Иду рано, еще минут десять ждать. Спрячусь, пожалуй, за колонну, а то старый напомаженный дурак с цветами очень жалок. До слез! Стоит идиот с чистой шеей и предается эротическим мечтам, а сам на себя в зеркало уже лет пятнадцать не смотрел. Нет, сегодня... сегодня посмотрел. В отчаяние не пришел, но для радости оснований обнаружил тоже немного. Худой, достаточно высокий, усталый брюнет с довольно пикантной проседью на висках, не лысеющий, а очень даже густоволосый, что удивительно для моего возраста, карие глаза в сети морщин, нависающие густые брови, губы сизые, тонкие, желтые мелкие зубы старого волчары подбородок тяжелый, две продольные носогубные складки. Сутулюсь, руки не знаю куда деть. Особенно, если в них нет пионов.

Спустился вниз, сразу прошел на правую платформу, с которой поезда уходят в сторону «Проспекта Мира», подобрался поближе к тупику, встал за колону, цветы спрятал за спиной. Наблюдаю за публикой. Это я еще по прошлой своей жизни люблю. Умею, во всяком случае.

Ее, конечно, еще нет. Едет где-нибудь в своем зеленом свитерке, скрывающем выдающуюся грудь. Эта грудь мне покоя не дает со вчерашнего дня.

В тупичке у серебристо-золотистого мозаичного панно с надписью на извивающейся ленте «Мир во всем мире» шумит стайка студентов. Наверху много высших учебных заведений, и студентов тут всегда куча. Эти неинтересны. Стреляют глазками, у всех одно и то же на уме: смотрят на них или нет. Чтобы смотрели, повизгивают, время от времени чмокают в щечки вновь прибывающих подружек. Встреча у них здесь. Едут куда-то оттянуться. Разодеты безвкусно, дешево, но каждая, как ей кажется, с выдумкой. Однако выдумка у всех одна и та же. Поэтому могли бы все облачиться в какую-нибудь школярскую форму – эффект был бы

тот же. Американские куколки Барби с российской фабрики китайских игрушек. Все с крашеными перьями на легкомысленных головках, худоногие, малюсенькие еще, подросточки, которым очень хочется приобрести поскорее то, что и так не замедлит прийти – зрелость.

Энергично подваливают двое томнооких юношей лет по двадцать пять. И темноволосых. Один плечистый, высокий, кривоногий. Второй поменьше ростом, пошире, с тяжелой задницей. Останавливаются чуть в стороне, ослабившись, разглядывают веселящуюся стайку, быстро переглядываются.

Высокий подходит ближе и с сильным кавказским акцентом говорит, явно не ожидая отказа:

– Возьмите с собой, крали!

Стайка замирает, галдеж прекращается на секунду, и тут на станцию, за моей спиной, воя, врывается поезд. Поэтому я не слышу ответа. Но вижу, как краснеет высокий и как подскакивает с разъяренной рожой тот, что покрепче. Стайка визжит, перекрывая даже вой уходящего и приходящего с другой стороны поездов. Красавицы разлетаются кто куда, как будто их взрывом разбросало.

Вижу яростное лицо того, что с тяжелой задницей. У него и рожа вдруг становится как задница. Наподобие макакиной – с синеватыми прожилками сверху вниз, вокруг носа. Кулаки сжаты, костяшки аж побелели.

Высокий направо и налево лупит длинными ногами. Народ, вывалившийся из пришедшего от «Проспекта Мира» поезда, в панике разбегается. Визг, вопли.

У меня темнеет в глазах. Мне в моем метро никогда не тесно, а тут вдруг сразу стало тесно. Я даже забыл про ненавистные пионы. Сам не помню, как оказался между этими двумя. Успеваю перехватить ногу высокого и резко высоко ее задираю, размахиваюсь своей ногой и бью его в пах. Бежевый тяжелый ботинок на высокой шнуровке – это мощное оружие. Попал метко. Он летит на спину и тут же сжимается на полу в комок, как томный эмбриончик.

Слышу за спиной гортанный вскрик и рычание, поворачиваюсь резко и приседаю. Тяжелый кулак пролетает над моей головой. Мигом выпрямляюсь и бью лбом в крупную переносицу. Попадаю опять метко, эффективно. Он тут же валится на грязный, истоптанный пол и мгновенно заливается бурой кровью.

Сзади кто-то грубо хватает меня за ворот и тянет назад. Сильная рука, неумолимая. Я пытаюсь вывернуться, пионы, переломанные белые головки, летят на пол, рассыпаясь на лепестки. Успеваю скосить глаза за спину – это местный, подземный, страж порядка в фуражке с низкой и серой, словно остывший блин, тульей. Сам он рыжий, огромный, с бесцветными, пустыми глазами. Вдруг он, ойкнув, приседает и отпускает меня. Я вижу, что за его спиной стоит разъяренная тигрица – шатенка в зеленом свитере. Она успевает опустить ногу, и я понимаю, что несчастному менту досталось так же, как от меня высокому.

– За мной! – взвизгивает тигрица, и я тут же подчиняюсь ее воле.

Мы едва успеваем заскочить в закрывающиеся двери. Тяжело дышим, прижатые друг к другу потной толпой. Я поднимаю руку – в кулаке зажаты обрезанные, словно ножом, стебли пионов и тонкая бумажная обертка.

– Я же сказала – терпеть не могу пионов! – она вдруг смеется, эта тигрица. Толпа толкает ее на меня, и я, не выпуская из рук стеблей, чуть пригибаюсь и целую ее в правильный носик.

Она не отстраняется. Нас покачивает из стороны в сторону, на нас косятся, потому что многие видели, как мы бились на платформе, в тупичке.

– Закладку взяли?

– А как полное имя Пани?

– Прасковья.

– А я думал Параскева.

– Это одно и то же.

- Я не взял записку.
- Почему?
- Чтобы еще раз увидеть вас.
- Иди ты!
- Я знаю, как вас зовут. Не повторяйте больше.
- Она смеется. – У нее, у этой тигрицы, оказывается, не всегда злые глаза.
- Почему ты вмешалась? – перехожу тоже на «ты».

Мы ведь почти на брудершафт только что подрались, поцеловались. Звон бокалов не обязателен.

– Потому что мент бы тебя уволок в свою преисподнюю, – отвечает она, – А эти за мизерную плату узнали бы, где тебя потом искать.

– Они девок лупили...

– Это я не видела. Я видела, как ты их лупил. Я этим же поездом приехала.

Едем молча. Она поднимает на меня глаза.

– Ко мне нельзя. Там Паня. Увидит, опять станет записки писать, что всех прощает.

– Я на Самотеке живу. Выйдем на «Белорусской»? А оттуда пешочком, по Лесной, по Палихе, к старой Божедомке. Там Достоевский родился. Это не очень близко, но мы ведь дойдем?

Она кивает и прижимается ко мне.

– Я ненавижу цветы, – шепчет она мне, – особенно пионы.

Цветы, которые мы оба любим

– У меня так почти никогда не бывает, – она лежит головой на моей груди.

– Как у тебя не бывает?

– Вот так. Чтобы сразу. Нужно хотя бы дня три. А лучше – четыре.

– Нас свела суровая действительность. С нее спрос.

– Нас свела Паня. Но с нее не спросишь. Разревется, как обычно.

Я наощупь мну ее грудь. Ее очень много, но мне недостаточно просто трогать ее и смотреть. Эдит понимающе вздыхает и уступает мне всем телом. Я у себя таких сил не подозревал уже очень давно. Наверное, это после драки. На меня драка всегда как на других спиртное действует – хочется продолжать и продолжать. Но это хорошая ей замена. Однако продолжать все равно хочется. Хорошо, что нет сопротивления.

Мы уже сидели на моей кухоньке и хлебали чай с вафельным тортом. Его у меня осталась половина.

– У тебя есть что-нибудь покрепче?

– Сейчас будет.

Я быстро выхожу из кухни, одеваюсь за положенные в армии сорок пять секунд и еще через пятнадцать секунд выбегаю из подъезда. Через пятьдесят секунд я в стекляшке – палатке, в которой хозяйничает старый армянин Армен Джанаян, говорят, бывший опер из ереванского уголовного розыска. В течение ближайших сорока секунд у нас происходит следующий разговор:

– Один пить будешь?

– Что ты, Арменчик!

– Друзья придут?

– Что ты, Арменчик!

– Женщина?

– Женщина.

– Скоро?

– Уже есть.

– Уже было?

– Уже было.

– На тебе наш коньяк.

– Не хватит денег. Дай вина.

– Подарок. А вино купи.

За двадцать секунд покупаю вино и беру коньяк.

– Коньяк сейчас, – распоряжается Армен, – А вино завтра. Это – закон!

Киваю и ухожу. До подъезда те же пятьдесят секунд, пятнадцать на подъем, на раздевание десять секунд, еще четыре секунды, и я захожу на кухню.

Тигрица Эдит спит, сидя в моем халате, распахнувшись донага, откинув назад шатенистую голову. Грудь упоительна! И все остальное! Очень видно и очень мило.

Она сильно изменилась за прошедшие 4 минуты 9 секунд: жутко похорошела. Я осторожно ставлю бутылки на стол и присаживаюсь на корточки перед ней. От ее запаха дурею, закатываю глаза.

– Ты где был так долго? – это она говорит, очнувшись.

– В командировку ездил.

– Куда?

– В Ереван. К Армену Джанаяну.

Она берет в руки вино и вертит перед глазами бутылку.

– Ты был в Чили.

– Это на обратном пути.

Она вертит перед глазами пузатую коньячную бутылку и кивает.

– Это верно. Не врешь. В Ереван залетал.

– Я никогда не вру. Только немного фантазирую.

– Сейчас будем пить подарок из Еревана. А завтра – из Сантьяго. Так будет правильно.

Ты это знал?

Я поднимаю ее на руки и вдруг понимаю, что мне очень легко, как будто я всегда ее носил из кухни в комнату. Она прихватывает за горлышко коньяк, как будто ее действительно всегда так носили и она тоже знает, что надо взять с собой в далекий путь. Мы уже в постели.

Она горячо шепчет мне:

– Я обожаю пионы... белые с розовыми провалами. Я наврала тебе. Чтобы ты их купил.

– Ты меня проверяла? – я тяжело дышу, поднимаясь на нее, не в силах унять барабанную картечь в своей грудной клетке.

– Не каждому можно себя доверить...

И доверяет. Еще как доверяет!

Паня может еще записочку написать

Я стою перед Паней с такими же пионами и глупо ухмыляюсь.

– Вы кто? – спрашивает она подозрительно и оглядывает меня с ног до головы.

Эдит похожа на Паню только огромной грудью. Остальное у Пани свое – маленький рост, рыжая кудрявая головка с заметной проседью, мелкие добрые зеленые глазки и полные, щедрые руки. У нее еще синяя бородавка у носа-картошки, справа.

– Я Антон Суходольский. Антон Анатольевич. Курьер.

– Наркотики возите? – юмор у них тоже один. Общий, то есть.

– Не доверяют. Бумаги разные. А что там за ними, не знаю. Клянусь морфием!

– Вы что свататься пришли?

– К вам?

– Вопросом на вопрос отвечают только неучи... и хитрые евреи. Вы меня, что, оскорблять явились?

– Нет. Извините. Глупая шутка. Я не буду ни к кому свататься, – и тут же протягиваю ей букет, обернутый в тонкую белую бумагу. – Это вам цветы. Эдит сказала, вы любите пионы.

Она неожиданно улыбается очень кокетливо, жеманно. Берет цветы в полные руки и зарывается в розовые провалы между белыми лепестками смешным носом-картошкой. Шумно втягивает воздух. Потом недовольно отстраняется.

– Что они сделали с цветами! Они теперь все пахнут бумагой, в которую завернуты. Пахнут нынче только люди в метро. И то отвратительно.

Мы все еще стоим в дверях их старой квартиры в сталинском ампирно-вампирном доме.

Паня, не убирая носа из цветов, отступает назад. Я захожу и ударяюсь головой о вешалку, криво свисающую сверху.

– Герка, сволочь! Сколько раз говорила, почини! Пьяница чертов!

Я иду за ней в большую гостиную, темную из-за задернутых штор и несвежих стен. Паня кивает мне как-то неопределенно и исчезает куда-то. Через пару минут она возвращается назад с трехлитровой банкой, полной водой. Из банки торчат мои пионы. Я все еще стою посередине комнаты, у круглого стола.

– Знаете, почему раньше столы были круглые, а теперь квадратные?

– Вычисление квадратуры круга дошло до абсурда?

– Остроумно! Это не вы придумали.

– Квадратуру круга не я, а остальное мое. Вы обязаны сослаться. Антон Суходольский, лимитед.

– Лимитчик?

– Нет. Лимитед. Но это неважно.

– Так вот, лимитчик, раньше люди садились в круг и любили друг друга по кругу, то есть нежно и обтекаемо. И уважали так же. А теперь каждый норовит усесться во главу стола. Сейчас забыли, что главой стола признает только круг, а теперь кто первый, того и тапки. У нас круглый стол.

Я киваю, топчусь.

– Да садитесь вы! – Паня ставит банку на центр стола и ногой отодвигает мне тяжеленный стул с дырявой обивкой.

Я сажусь и удивляюсь, что такая древность не скрипит, а очень даже крепкая еще.

– Вы принесли мою записку? – вдруг спрашивает она строго и совсем так же, как ее дочь, сводит невидимые бровки над переносицей.

– Эдит ее разорвала. У меня больше нет вашего автографа.

– И правильно! Я еще нарисую. Сколько потребуется.

- А зачем?
- Чтобы помнили... И уважали. У нас круглый стол.
- Это правильно.
- А где Эдит? – Паня вдруг вспоминает, что я явился один.
- Прислала меня сюда одного в авангарде, а сама пошла в гастроном.
- За вином пошла. У нас тут из-за Герки спиртное не держат.
- Слышал.
- Тут и слышать нечего. Достаточно на него только мельком взглянуть. Может не есть днями подряд, зато, что касается выпивки... Отец его не пил, дед не пил, а этот!..
- Аристотель и Софокл?
- Что! – вдруг Паня вскакивает и хохочет, утирая слезы, которые катятся по ее полным, с красными прожилками, щекам.
- Я смущаюсь, не знаю, куда деть руки. Похоже, Эдит мне наврала об именах.
- Это моя дочь вам так сказала? Она стало быть Эдит Аристотиелевна?
- Да, именно. А ваш сын... – я запинаясь, но произношу все же: – Геродот Аристотиевич.
- А муж, стало быть, Аристотель Софоклиевич?
- Именно.
- А я?
- А вы Прасковья. Паня, стало быть, для домашних.
- Ну, стерва!
- Паня делается вдруг серьезной.
- Иваном звали моего покойного мужа, а не Аристотелем. Сын действительно Геродот. Иван его так назвал. А дочь – Эдит. Это уже моя идея. А я – Александра Семеновна. Паней меня с детства все зовут, потому что я откликалась на это имя... то есть прибежала, когда нашу кошку звали. Вот она как раз Паней была. Кошка давно умерла, а имя осталось... пожизненно. Моим стало.
- Я развожу руками и вздыхаю шумно.
- Эдит Ивановна она, – Паня говорит, скорее даже, произносит это, будто вслушиваясь в музыку своих слов, – А сын – Геродот Иванович. Звучит?
- Кошмар! – отвечаю я, желая немедленно отомстить за свой позор, за розыгрыш.
- Верно. Кошмар. Издевательство. А Эдит Ивановна? Ну, все-таки?!
- Почти как кукла из театра Образцова.
- А это чушь! Это хорошо звучит. Необычно. Эдит Ивановна Боголюбова.
- Как Боголюбова!
- А вот так – Боголюбова.
- Она сказала, бога нет.
- Как так нет! Мы-то есть! Значит, и Он есть.
- Это не доказательство.
- Да?! А что доказательство?
- Наличие Сатаны. Раз есть Сатана, значит есть и Бог.
- А вот это уж дудки! Потому что Сатана всегда есть.
- В двери энергично крутится ключ. В комнату заходит Эдит Ивановна Боголюбова и ставит на стол пластиковый пакет, из которого торчит горлышко темной бутылки. В пакете еще много всякой всячины.
- Ну, Эдит Аристотелевна Боганетова!.. – весело говорит Паня.
- Она тебе наврала, – спокойно говорит Эдит и царапает меня не то кошачьим, не то тигриным взглядом, – Небось сказала, что я Ивановна, а она Александра Семеновна по прозвищу Паня? Ведь так?

– Так. И еще, что вы Боголюбовы. Вы – доказательство существования Бога.

– Бога нет! – говорит, словно стреляет одиночными выстрелами Эдит. – Нет Боголюбых. Паня – Прасковья. Отец – Аристотель, дед – Софокл, а ты – законченный болван. Ты не Энтони. Ты – Антон.

Я размышляю, обидеться мне или нет. Если обидеться, то надо сразу же уйти. А как же все остальное? А ее грудь, а всяческое доверие? А на руках из кухни в постель? Неужели больше не повторится? Из-за таких глупостей!

Решаю свести все к шутке.

– Хорошо. Тогда я тебе еще не все сказал о себе. Каюсь.

– Час от часу не легче! Говори немедленно! Ты – негр?

– Был. Танзанийским негром. Мне пересадили кожу одного отвратительного белого расиста. В наказание – и ему, и мне! На самом деле меня зовут Кенан. А фамилия еще хуже – Ананас по отцу и Банан по матери.

– Это ничего еще! Нормально даже, – вдруг серьезно заявляет Паня, – Только вы ей не верьте. Мы Боголюбовы, а муж мой Иван Иванович, так же, как я Александра Семеновна. Хотите, я вам паспорт покажу? Хотя... танзанийские негры по-русски не читают.

Мы все трое вдруг хохочем, долго не можем остановиться, и я сразу понимаю, что любил их уже очень давно, даже когда еще не знал.

Геродот, рюмки и клавиши

Геродот Иванович Боголюбов пришел в самый разгар веселья. Он еще с порога увидел горлышко бутылки и устремился к столу. Меня не заметил вообще. Конкуренции с бутылкой я не выдерживаю никоим образом.

– Пошел вон! – вдруг зашипела Эдит и оттолкнула брата острым локтем. Он едва удержался на ногах.

– Как ты смеешь! – фальцетов выкрикнул Геродот. – Старшего-то брата! При посторонних.

Ага! Меня, значит, все-таки заметил. Просто бутылка притянула слишком властно.

– При бутылке ты посторонний, – веско ответила Эдит. – А он, как раз свой!

Она вдруг уперла руки в бока и надвинулась на брата. Он привычно, видимо, отшатнулся. Действительно тот самый, серенький, пергаментный какой-то, согбенный, крючок почти. Был бы высоким, но очень уж согнут жизненной тяжестью – и в ногах, и в спине. Лицо в морщинах, а глаза такие же, как у сестры – серые и большие. Нос, правда, крупноват. Собственно, у Геродота так и должно быть.

– Это ты ему томик Грина продал на толкучке у Большого?

Геродот, даже не глядя на меня, сразу же заволновался, затараторил:

– Что, я? Кому? Ему? Грина? Да ты что! Когда? Да я у Большого в последний раз лет десять назад был, на «Спартаке». И то из буфета выгнали!

– Лгун! – поддержала дочь Паня. – Я повешусь из-за вас! Там моя прощальная записка была! Скажи ему, Эдка!

Я впервые услышал, как она звала дочь и даже не сразу понял, что это она к ней обращается.

Наконец Геродот устался на меня изучающе хмуро.

– Не понравилось? Обрато принесли? А записку я не заметил, извиняйте, дядьку! Только денежки ваши у нас менты отобрали. Так что, ждите до следующей получки. А книга где?

Следующей получки, видимо, пришлось бы ждать слишком долго. Это я понял по осклабившемуся лицу Эдит.

– Книга мне нравится. Я ее уже почти проглотил, – я усмехнулся.

– Голодный был, значит? Я тоже.

Геродот печально покачал головой и опять устался на бутылку.

– Ну, мы будем обедать? Гость же у нас! – он вдруг обнаружил новый, на этот раз беспроегрышный, ход.

Паня распорядилась столом. Геродот чистил на кухне картошку и то и дело заглядывал в комнату, чтобы убедиться, что горлышко бутылки все еще цело, не тронуту. Тяжело вздыхал и уходил обратно на кухню, вытирая длинный нож о замызганный передник и покручивая в другой руке полуобнаженную картофелину. Вид у него был грозный. Я на всякий случай спиной к нему не поворачивался. Эдит мягко улыбалась, поглядывая на него исподлюбья. Она кромсала продукты для рыбного салата. Паня подпрыгивала как мячик, перескакивая из одного пространства квартиры в другое, и страшно суетилась.

– У нас уже век за столом женихов не было! – радостно покрикивала она. – Какое счастье видеть жениха в доме. И какое счастье, когда он не становится мужем. Ну, куда деваются женихи, которые носят будущим тещам пионы? Становятся зятьями. От них тогда и снега зимой не дождешься.

– Мама, – спокойно возражала ей Эдит, – Энтони в женихи не годится. Он слишком стар для меня. Я не принимаю его предложение. Правда, его еще не было, но это детали.

– Ну и дура! – доносилось из кухни от Геродота.

– К тому же он всего лишь курьер! – будто не слыша брата, продолжала Эдит и кромсала рыбные консервы, лук, огурец.

Потом она задумалась, приподняла чуть кверху лезвие ножа, как школьница, мучительно решающая задачу, ручку и тут же, вроде бы, совсем ни к месту сказала:

– Мы в рыбный салат кладем свежий огурец, молодой, крепкий. А многие мои знакомые – соленый, в крайнем случае, малосольный. У салата вид получается какой-то поношенный... Можно так про салат? Про человека можно.

– Я не всегда был курьером! – как будто обиделся я, – То есть не таким.

– Ты плохая партия, – категорично заключила Эдит.

– Зато повод выпить и закусить! – закруглила разговор прискакавшая из кухни Паня.

Следом за ней, после этих крайне неосторожных слов тут же появилось напряженное пергаментное лицо Геродота.

– Пошел вон! – тихо, но упрямо повторила Эдит. – Твое место на камбузе, алкоголик.

– Я не алкоголик, – в который раз фальцетом возмутился брат. – Я несчастный человек, вынужденный терпеть оскорбления от старой девы.

– Дева, – Эдит не отрывала слезящихся глаз от мелкой нарезки лука, – но не старая еще пока. У меня все инстинкты пока здоровые. Правда, Энтони?

Я согласно кивнул и разом вспомнил обо всех ее инстинктах. Они действительно были здоровые, под стать фигуре. Мне даже кровь в лицо бросилась.

Мы сели за стол, когда у нас уже вся слюна почти вытекла от голода. Во рту было сухо. Первым, без всякого приглашения и тоста промочил глотку Геродот. Паня всплеснула руками и покачала головой.

– Ну, идиот! – воскликнула Эдит. – Это мой братец, Энтони. Ты на мне не женись, иначе он станет и твоим родственником. Впрочем, пока я предложения действительно не слышала.

– Меня, кажется, ловят в семейные сети! – я тоже выпил залпом рюмку вина. – Я в паутине как бедная мушка. Меня тут хотят окрутить.

– Они всех окручивают, – набивая рот рыбным салатом и отправляя туда же сразу два кружочка сухой еврейской колбасы, закивал Геродот Иванович. – Эдька мастерица по этой части. Она вам не говорила, Энтони, сколько раз была замужем?

– Нет. Я пока и не спрашивал даже. Может быть, и не спрошу никогда.

– Напрасно! Выпьем еще по одной, и я вам раскрою эту страшную семейную тайну. Уверю, вам будет жутко интересно.

Эдит и Паня с усмешкой переглянулись, и Паня тут же ловко разлила всем по рюмкам вино.

– Давайте, действительно, поскорее выпьем и послушаем эту нашу страшную семейную тайну, – сказала Эдит уже совсем серьезно. – Только чур место, где мы зарывали моих растерзанных мужей, Энтони не покажем. Ну, до момента, пока мы его самого туда не уволочем.

– Глупо! – причмокнул Геродот, выпив очередную рюмку залпом, и тут же бросил жадный, лукавый взгляд на бутылку. Похоже, он оценивал, сколько там еще осталось и как бы всех тут объегорить, отвлечь чем-нибудь и влить в себя весь остаток.

Мне стало смешно.

– Что глупо? – спросила Паня.

– Все это глупо! Слушайте сюда, Энтони. Но только никому, никогда! – Геродот поднес к губам длинный, худой указательный палец с траурным ногтем.

Он склонился вперед, вынудив и меня сделать то же самое. За столом стало так тихо, что я даже услышал тиканье часов на буфете. Геродот явно наслаждался вниманием к своей скромной персоне.

– Она ни разу, понимаете, ни разу! Никогда, то есть! Не была! Замужем!

Я отшатнулся от стола и изобразил на лице ужас. Видимо, это у меня получилось, потому что и Паня, и Эдит одновременно с изумлением посмотрели на меня.

– Не может быть! – выкрикнул я и стал, кривляясь, хвататься за горло, за грудь, будто мне не хватало воздуха, – Ни разу! Ни разу не познала?

– Ни разу! – решительно отрезал Геродот и победно потянулся за вином.

Первой очнулась Эдит. Она перехватила бутылку и быстро переставила ее под руку мне.

Паня громко прыснула. Следом за ней мы все расхохотались – и я с ними, и даже Геродот.

– А как же тайное кладбище? Оно хоть существует?

– Существует, – уже как будто серьезно ответила Паня. – С кладбищами вообще шутить не следует. Как же без тайного кладбища, если самоубийц не положено хоронить на общем? Это для меня.

– Вы-таки почти уже решились? – я старался поддержать шутку.

Но это не получилось. Все замолчали. Паня вдруг стала печальной.

– Нет. Никак не решусь. Понимаете, мне все уже давно надоело. Нет! Нет! Не дети. Дети никогда не могут надоесть, даже когда они сами становятся почти старичками. Для нас, для родителей, они всегда дети. Впрочем, вы, должно быть, это понимаете?

Паня вдруг подвинула бутылку к сыну. Он бережно обхватил ее своей большой костлявой ладонью, но тут же и замер так, словно не смел воспользоваться неожиданной добротой матери.

– Всё это только разговоры... пока! Беда лишь в том, что за всем этим на самом деле стоит несчастье, – Паня печально покачала головой. – Только его одной смертью не исправишь. Одиночество... Вот, что это за несчастье. Ушел мой муж... навеки, и я овдовела... душой овдовела. Плохо, когда ничего нет впереди.

– Ну, все! Хватит! – Эдит выхватила у брата из рук бутылку вина, чем определенно его расстроила. – Допьем и будем считать, что первое знакомство строптивного жениха со странным семейством самоубийц, алкоголиков и старых дев прошло в теплой, дружеской атмосфере! Во взаимопонимании, так сказать. Вот такая мизансцена складывается. Пора ее срочно менять, а то зритель затоскует чего доброго!

После обеда меня повели в комнату Эдит. Причем, все вместе повели, шумно даже как-то, и там обнаружилось пианино древнерусской фабрики «Красный Октябрь». Сейчас спрости моих внушек, что такое «красный октябрь» в их представлении, так они голову себе сломают. Почему октябрь, почему красный, почему пианино? От этого действительно несет седой древностью, как от сказок о полку Игоре. Было ли, не было ли? Но вот древний инструмент «Красный Октябрь» определенно был и есть.

Все расселись вокруг него, Эдит села на крутящийся табурет и несколько раз ударила растопыренными пальцами по клавишам, взяв какие-то кривые октавы.

– Это для разогрева публики! – сказала она и поднялась. – Разогрев состоялся. Теперь попрошу маэстро!

– Выпить больше нечего, – печально проскрипел Геродот, но все же послушно поднялся со своего креслица и с размаху как будто свалился на вертящийся табурет.

Геродот играл так, что я сначала подумал: тут где-то, наверное, в самом чреве инструмента, запрятан магнитофон. Мастерски играл, высочайше играл! Никогда не слышал ничего подобного. Я вообще такого за свою жизнь мало слышал, но даже я, невежда, понял, что передо мной происходит нечто божественное. Никакой магнитофон не способен был воспроизвести то, что выливалось, обрушивалось, рассыпалось из-под длинных пальцев с траурными ногтями Геродота Ивановича Боголюбова. Мне даже страшно стало, словно они показали мне свое тайное кладбище. Мне там точно было место!

Внучки приехали

Дед я без опыта. И дедом-то себя не чувствую ни в малейшей степени. Потому что дед – это седой, степенный, умудренный опытом человек с раздраженным и в то же время необыкновенно добрым глазом. У меня почти все не так, даже наоборот.

Я не очень-то седой, только с пикантной проседью, совершенно не степенный, а даже несколько инфантильный по своим замашкам. Могу, например, вдруг сорваться с места в метро и почесать к поезду, к закрывающимся дверям, как будто опаздываю навсегда. Могу вдруг сцепиться с кем-нибудь в общественном месте и крепко наподдать. Благо, это я умею классно! Вот тут как раз сказывается мой житейский опыт. Одно время, я только этим или почти только этим занимался. Причем, часто далеко от родных стен и родного метро.

Явилась дочь, моя дорогая Евгения Антоновна, и впихнула в мою однокомнатную берлогу двух своих девок – жгучую брюнетку Машку, этот колючий кустик черной розы, и рыжую, тяжеловесную Дашку. Дашка неподвижно стояла в дверях кухни, отсвечивая огненной своей башкой, словно кто-то воткнул в землю горящий факел. Машка выглядывала из-за ее спины, являя собой ясную черную ночь, которую этот факел и должен освещать.

Женька только крикнула:

– На пару деньков, папа! У меня жизнь меняется...

И тут же хлопнула входной дверью.

У нее часто так: раз в полгода круто меняется жизнь. Потом Женька приходит в норму, то есть постоянно барражирует между офисом, продмагом и двумя самостоятельными дочками. Между всем этим иногда возникает какой-то загадочный образ, чаще всего, неприкаянного мужика. Это – норма. А когда дочерей скидывают мне, норма нарушается. То есть, офис почти побоку, дома, в двухкомнатной квартире в Дегунино появляется какая-то новая фигура, претендующая на относительную постоянность. С исчезновением ее восстанавливается норма.

Евгения Антоновна – личность до определенной степени независимая. Очень ладная кареглазая блондинка, с роскошной фигурой, длиннющими ногами, с собственным представлением о морали, с неглупыми мозгами, местами циничными, местами эротичными, местами практичными. Злопамятная молодая дама, образованная на экономическом факультете университета, свободно владеющая тремя языками, включая родной. Последнее замечание важно в наши дни, потому что многие как раз родным языком почти не владеют, то есть владеют, конечно, но каким-то очень уж нам, старшему поколению, неродным. То ли они, то ли мы здесь иностранцы. Хотя нет! Они захватчики, явившиеся из наших генно-гормональных сражений, а мы нищие туземцы. Захватчики, правда, не всегда бывают состоятельными, чаще всего тоже нищими, но язык у них, тем не менее, свой: забавная помесь разбойничьего наречия Бронкса с нашим нижегородским. Моя дочь этого каким-то образом избежала. Она, кстати, нравится мужчинам старшего поколения, по-моему, прежде всего поэтому.

Женька не простила матери, то есть мой жене Ларисе Глебовне, ее отъезд в Никарагуа с моим старым приятелем и коллегой Генкой Павловым на вроде бы дипломатическую работу. Тогда, когда она это сделала, с Никарагуа еще были какие-то тайные, как будто даже добрые отношения. Генка эти отношения поддерживал в меру своего героического характера. Евгению брать с собой было нельзя, потому что уж слишком много героики требовалось в то время от Генки.

Женька этого так и не поняла. Осталась еще малым ребенком со мной, а когда Лариса Глебовна Павлова вернулась на Родину, Женька ей в любви решительно отказала. Лариса горько переживала, но новый младенец, мальчонка по имени Данила Геннадиевич Павлов, примирил ее с действительностью.

Лариса со своими двумя Павловыми уехала в Перу, дальше – в Эквадор, где семья и осела окончательно. Павлов-старший, уже пенсионер, занимается отправкой на Родину гигантских партий бананов и, кажется, неплохо содержит семью. Иногда из Эквадора Женьке и ее двум девкам, брюнетке и рыжей, приходят подарки от бабушки. Первое время Женька брезгливо относилась к подаркам в комиссионку, но потом стала ими пользоваться. Но ни строчки матери, ни слова по телефону. Лариса установила у себя СКАЙП и настойчиво требовала хотя бы этой связи от дочери. Связи не добились. На ее «мыло», то есть на электронные послания, никто не отвечает. Она иногда звонит мне и ревет от обиды.

– Хочу видеть дочь! Хочу видеть внучек! Я даже не помню, кто из них старше, а кто младше!

– Дашке десять, Машке одиннадцать.

– Рыжая кто?

– Дашка.

– Это в моего деда. Он был рыжий.

– Не докажешь! – издеваюсь я и тут же думаю, что я и есть та сволочь, которая из мелкой мести воздвигла Великую китайскую стену неприязни между Женькой и Ларисой.

Успокаивает лишь мысль, что хоть какая-то компенсация за нанесенное мне когда-то оскорбление должна же быть. А вот с Генкой Павловым мы еще долго виделись в Москве, когда он прилетал с отчетами. И ничего! Общались. Без рукоприкладства даже.

Так что дочери я постоянно прощаю ее потуги изменить свою жизнь и беру на себя то малое, что могу: непродолжительное наблюдение за Черной Розой и Горящим Факелом, то есть за Рыжей Бестией. Она любит, когда я ее именно так называю. Слово факел не признает – они уже давно английский учат, а там это звучит двусмысленно, даже неприлично. Я же говорю – смесь Бронкса с Нижним Новгородом! Это поколение, похоже, уже не избежит того, чего почти избежало поколение наших детей.

Сразу после вылета Женьки из моей квартиры в новую налаживающуюся личную жизнь сюда же вплыла моя налаживающаяся жизнь в лице строгой и энергичной дамы по имени «Иди ты!».

Эдит внимательно осмотрела двух девок, рыжую и черную, и покачала головой.

– Это еще что за разноцветие такое?

– Это вы разноцветие, а мы внучки, – непринужденно и не зло ответила рыжая Дашка.

– Кто из вас старше, а кто наоборот?

– Я наоборот, – ответила Дашка, – А вы кем будете?

– Я иногда сплю с твоим дедом, – просто ответила Эдит. Она, по-моему, точно всегда угадывала, как и что говорить, а главное – кому.

Я затравленно стрельнул в нее глазами.

– Он так храпит! – подхватила трепетную тему Машка.

– Я не даю ему спать в прямом смысле, – Эдит на меня даже не смотрела. Она говорила с девками на равных. Меня будто и не было тут.

– А что же вы делаете? – Дашка пошленько ухмыльнулась.

– То же, что и мама, когда не дает кому-то спать, – спокойно ответила сестре Машка. В ее ответе не было и грамма пошлости. Она просто констатировала известный им факт.

– У тебя опытные девки в доме завелись! – Эдит впервые посмотрела на меня.

– Один я – зайчик несмелый, – я глубоко вздохнул.

Женщины в моем доме как-то сразу друг другу понравились. Хотя бы это успокаивало.

Но Эдит на этот раз у меня не осталась. Хватило такта. Явилась на следующий день с двумя пакетами съестного. Там было полно сладостей.

– Люблю начинать обед с десерта, – сказала она прямо с порога.

Десерт и стал основной едой. Рыжая и черная это оценили по достоинству.

- Дед, женись на ней! – объявила, как почти уже совершившийся факт, Машка.
- Не могу.
- Почему?
- Растволстею.
- Это не самое страшное, – спокойно встряла в разговор Эдит. – Хуже другое.
- Что именно?
- У невесты бы надо еще спросить.

Я не стал спрашивать.

Так мы общались еще три дня (один – сверх запланированного, что негативно сказывалось на отношении ко мне в офисе, где курьеру разрешили отсутствовать только два рабочих дня). Потом явилась Женька. Худая, даже, я бы сказал, сухая, строгая и решительная.

Она посмотрела на Эдит и сразу протянула ей руку.

- Папа о вас не говорил. Но, думаю, еще скажет.
- О вас он тоже мало что говорил. Он вообще из неразговорчивых.
- Как вам мои девки, особенно рыжая?
- С трудом.
- А брюнетка?
- Так же.
- А мне нравятся.
- Я тоже люблю трудности.
- Чем здесь занимались мои девки?
- Сначала они нашли у деда какой-то старый порножурнал и вырезали маникюрными ножницами все видные места.

– Это дело, – спокойно констатировала Женька. – Хорошо, что у отца нет компьютера, а то у нас дома они обходятся без порножурналов. Вырезать не могут, но лазают там исправно. И это все?

– Нет. Когда журнал наконец превратился в безобидные детские картинки, они обнаружили у того же деда кем-то забытые вульгарные предметы макияжа и разрисовали себе рожи, оставшееся время отмывали себя, обивку мебели и стены.

- Такое они тоже любят. Особенно, рыжая.
- И брюнетка ничего!

Тут я понял, что и эти сговорятся. Посидели за столом, выпили бутылку красного сухого вина, принесенного мне Женькой в виде благодарности за терпение, позыркали друг на друга внимательными глазами, а когда взгляды сами по себе почему-то потеплели, Женька решительно поднялась.

- Девки, домой!
- А новая жизнь? – любопытствовала Черная Роза.
- Не состоялась. Будем довольствоваться старой.
- Что так?

– Со старым мужиком новую жизнь не сделаешь, так что пока перебыю одна. Он, правда, сильно против.

- Женат?
- Был. Не раз.
- Нищ от алиментов?

– Это ему не грозит. Его «обнищить», по-моему, не может целое монгольское племя. Там всем хватит и еще останется. Но – стар!

- Поэтому и успел.
- А ты?
- Я неудачник, мурзик! Одну тебя родил.

– Дед, у тебя еще есть мы, – совсем серьезно, супя брови, заметила Черная Роза.

– У тебя разноцветье, – добавила Рыжая Бестия.

– Всё, девки! Пора мотать удочки, а то у деда тут, похоже, свои важные дела намечаются, – устало вздохнула Женька и многозначительно перемигнулась с Эдит Ивановной.

Все трое быстро собрались, подпоясались, как говорит в таких случаях Женька, и испарились.

Эдит наконец спала со мной и у меня. Было волшебно!

Ранним утром она, увидев, что я собираюсь на службу, прямо с постели сказала так, как будто продолжила какой-то разговор:

– Когда развезешь свои конвертики и пакетики, приходи к нам. А то Паня, похоже, опять собирается прощальные письма писать. Как бы только на этот раз не с продолжением.

Я уже стал понимать ее интонации. Эта мне не понравилась. Я вскинул глаза и присел на краешек кровати.

– Что стряслось?

– У нас квартиру отбирают. Всю. С потолками и стенами, даже с полом. Так что мы все вместе, я, Паня и музыкальный алкоголик, возможно, очень скоро переедем на твою мелкую жилую площадь. Потому что больше, похоже, некуда.

Я быстро уехал на службу, почти в забытьи возил туда-сюда какие-то конверты и пакеты и поздно вечером был уже у Боголюбовых.

С этого ли все началось? Или с того вагона метро, когда я читал похищенную музыкальным алкоголиком в своей же семье книжку Грэм Грина с Паниной закладкой? Или, может быть, с драки на Новослободской?

Сейчас это уже неважно. Но – началось...

Опыт, который не пропьешь, как талант

Иногда мне снятся старые сны. Они яркие и реальные. Длинный коридор, в который выходят десятки крепких высоких дверей. Я бегу по коридору, стараясь прижиматься к стенам. За мной несутся такие же, как я, в зеленых касках, в тяжелых бронежилетах, с короткими автоматами, с гранатами, со скорострельными пистолетами и со страшными зубатыми ножами. Мы жутко топая ногами в высокой шнурованной обуви.

Дальше бывает по-разному – то взрывается что-то, то кого-то прошивают ножом, то стреляют, то бьются в рукопашную до последней крови.

Иногда это – самолет, или поезд, или корабль. Но всегда – одни и те же лица, тот же железный топот тяжелых ног, взрывы, выстрелы, сдавленные крики. И командный шелест радиостанции через наушник.

И главное, ни слова, ни кадра выдумки. Просто идет бой. Не маневры, не отработка чего-то там, а настоящий бой. Это – не сон. Это детальный просмотр жизненного опыта в ночное время. Один на один с опытом.

У Боголюбовых за столом сидели все, кто намеривался очень скоро переехать на мою малогабаритную жилую площадь.

– Это уже было, – сказал я. – Фарс какой-то!

– Где было? – это Паня, прожилки на ее щеках из сизых стали красными, лицо лоснилось от пота.

– В кино. У четырех баб отбирали квартиру, а старый генерал ее им отбивал обратно. Потом пели «тумбалалайку» всей десантной частью, а посрамленный нувориш тонул в Москве-реке.

– Хорошее кино, – закивала Эдит. – Но в жизни страшнее. До «тумбалалайки» дело обычно не доходит. И десантники, как правило, антисемиты. Если не все, то их командование – точно. И вполне осознанно.

– Причем здесь антисемиты?

– В нашем случае ни при чем, – гордо заявил музыкальный алкоголик Геродот, – мы чистой крови.

– Не все! – горько заметила Паня.

Ее дети изумленно вскинули на нее глаза.

– Я не о нас, – успокоила она их с раздражением, даже как-то повелительно, – но ведь мы не единственные.

– Энтони, – сказала Эдит, – я видела твой памятный боевой альбом. Порылась в шкафу и нашла. Это – любопытная штучка.

– И что же ты там видела? – я сказал это, хмурясь, потому что не люблю, когда в мои дела суют нос, даже если нос такой хорошенький.

– Женщину, Ларису Глебовну Павлову. Ее фотка подписана. Мужчину, Геннадия Ивановича Павлова, в военной форме. Тебя с ним. Два молодых обнимающихся лейтенанта, потом два молодых обнимающихся старших лейтенанта, потом два уже не очень молодых капитана и майора с неприветливыми лицами, потом один усталый подполковник с седыми висками. Это тоже ты. Еще там какие-то бравые парни в полевой форме. Все без погон, но с короткими автоматами и кобурами. Среди них много темнооких брюнетов, в том числе, азиатов, и опять ты, в берете, с усами почему-то. Где это было снято?

– Далеко. Отсюда уже не видать.

– Ты профессиональный убийца?

– Такой профессии нет. Это выдумка. Для кино и для книжек.

– А кто ты?

– Курьер.

– С каких пор?

– С тех пор, когда появилась та выдумка.

Я не люблю вспоминать, как я стал курьером. Обычным, мирным курьером. Поэтому мы все надолго замолкаем.

– Нам нужна ваша помощь, Антон, – сказала Паня и всхлипнула.

На руках у Геродота чутко дремлет крупный рыжий кот средних лет. Он принес его неделю назад с какой-то помойки. Кот быстро прижился.

– Как его зовут? – спросил я, чтобы сменить хоть ненадолго тему. – Наверное, Чубайс?

– Почему Чубайс? – удивился музыкальный алкоголик и нежно прижал к себе котяру.

Тот приоткрыл желтый глаз и кольнул меня стрелочкой зрачка, строго и холодно.

– Потому что этот зверь рыжий, – ответил я, как само собой разумеющееся. – Так на Руси уже давно рыжих котов дразнят.

– Его Моцартом зовут, – усмехнулась Эдит. – Геродот не оппозиционер, а музыкант. Принес это чудовище, напоил молоком, накормил вареной рыбой и сказал, что это его личный, персональный «Моцарт».

Паня взволнованно поднялась, заковыляла вокруг стола. Вернулась на свой стул, села.

– Что будем делать? Антон, вы нам поможете? Или мы с несчастным Моцартом пойдем на его помойку?

– Надо подумать. Сколько у вас времени осталось?

– Две недели, не считая сегодняшнего дня, – сказала Эдит.

Но история это началась не сегодня и даже не вчера. Ее истоки бьют из прошлого Боголюбых. Тогда еще был жив глава семьи. Вот когда все забурило. То есть, тогда только подогреть начали, а вот точку кипения застал уже я.

Иван Иванович Боголюбов, отец Эдит и Геродота, муж Пани, то есть Александры Семеновны, урожденной Поповской, был в юности подающим большие надежды музыкантом. Играл на всем, что издает мелодичные звуки: на скрипке, альте, виолончели и на клавишных. Иван Иванович блестяще окончил московскую консерваторию по классу скрипки, но исполнителем так и не стал. И дело было не в том, что талант «вовремя ушел в песок», как криво усмехаясь, выражалась Эдит, а в том, что, управляя «Волгой» отца, администратора в Большом театре, юный еще Иван Иванович однажды ночью на Кутузовском проспекте врезался в неподвижную скальную группу самосвалов и генератора. Рабочие раскопали огромную ямищу посередине проспекта, недалеко от Триумфальной арки, а два самосвала и ревущий генератор стояли около этой ямы, в которой вкалывали рабочие ночной смены. Был там еще какой-то временный заборчик с погасшим красным фонарем и пьяный работяга с желтым флажком.

Капот старой «Волги ГАЗ-21» с изящным хромированным оленем подхватил этого несчастного работягу и вместе с ним влетел в яму, угробив в ней еще одного рабочего. По пути были задеты самосвал, генератор и заборчик.

Иван Иванович попал в больницу, не так чтобы очень надолго. Но зато жизнь его изменилась навсегда.

Во-первых, были переломаны обе руки. Более всего пострадали пальцы. Еще разбитой оказалась голова и здорово покалечено левое колено.

Во-вторых, он был признан виновным в аварии и получил три года исправительных лагерей, условно. Говорили, что за жизнь двух человек и разбитую государственную технику почти напротив дома Брежнева (а это было еще при жизни тогда совсем не старого генсека), слишком мало. Сначала вообще копали глубоко, то есть глубже, чем сама яма – проверяли, не намеренно ли это было свершено, не акция ли? Тогда слово «терроризм» для внутреннего использования еще не практиковалось. То есть терроризм был, а слова, применительно к советскому человеку, не было. Но Ивана Ивановича это не касалось ни в коей мере.

Он в ту ночь был трезвым. Просто гнал ночью, после какого-то левого концерта, на дачу к друзьям, где его, кроме всего прочего, ждала и хорошенькая студентка из литературного института, начинающая поэтесса Сашенька, которую все называли просто Паней.

К тому же ушлый адвокат доказал, что работы велись с нарушением всех строительных и дорожных норм, ограждения почти не было, а рабочий, оседлавший хромированного оленя на капоте «Волги», был вдребезги пьян. Его желтый флажок был, скорее, никакого цвета, а потом еще обнаружилось, что он вообще должен был быть не желтым, а красным. Изначально, видимо, красным он и был, но то ли выцвел, то ли в той рабочей бригаде цветов вообще уже не различали.

В предупреждающем фонаре не обнаружилось даже лампочки. Заборчик держался на честном слове.

Адвокат достал где-то распоряжение о том ремонте и из него следовало, что место и время раскопок перепутали. Это должно было делаться в трехстах метрах раньше и на противоположной стороне проспекта, почти на тротуаре.

Взялись за бригадира, потому что тут возник вопрос, а не акция ли это с его стороны? Но бригадир, человек пожилой, фронтовик в прошлом, от страха и горя угодил в больницу с инфарктом.

Вот из-за всего этого и дали юному убийце двух человек всего лишь три условных года.

А сколько дефицитных «валютных» билетов было отдано в прокуратуру, в следственное управление, в Верховный Суд республики и еще бог ведает кому, на самом деле знал только старший Иван Боголюбов, администратор Большого театра. А сколько разнообразных подарков было передано через всяких заслуженных и народных артистов в чистые руки заслуженных и народных следователей, прокуроров и судей знать вообще никому не положено.

С перебинтованной головой и зафиксированным в какую-то специальную «чашку» коленом, с закованными в гипс руками молодого скрипача даже в тюрьму не взяли бы. Условный срок потек сразу за приговором.

– Скучно ему было, – печально вздыхала Паня, расправляя складки скатерти на столе полными своими ладошками. – Он запил даже. Ненадолго, правда... Попробуй с двумя загипсованными руками донести рюмку до рта! Да и скрипку со смычком не удержишь. Когда гипс сняли, рюмку он еще кое-как доносил, а вот остальное уже не держалось.

Но Паня оказалась девушкой верной. Она уже через год вышла замуж за несостоявшегося музыканта и родила ему Геродота, их первенца.

Справившись наконец с горем, постигшим его столь неожиданно ночью на Кутузовском проспекте, Иван Иванович задумался о будущем. Решение, как всегда, подсказал отец. Иван Иванович пошел служить на чиновную должность в Госконцерт на Неглинной, 15. Была такая мощная организация. Сейчас бы ее каким-нибудь «генеральным продюсерским центром» обозвали и напихали бы туда аферистов и даже бандюков, потому что именно эта организация держала железную свою длань на музыкально-коммерческом пульсе целой страны. Больше половины сотрудников Госконцерта получали вторую (и основную!) зарплату за звания и выслугу лет еще в одной организации, очень недалеко от Неглинной – в Большом доме на площади Дзержинского и во флигелях в переулках, рядом с той суровой площадью. Это СССР было, а не то, что теперь! «От Москвы до самых до окраин!» Сейчас окраины приблизились к точке отсчета, а тогда как орлиные крылья разлетались.

Разлетался и Иван Иванович, хотя зарплату получал только в Госконцерте. По всему Союзу, по всем его окраинам. За границу даже летал, артистов возил, целые народные и ненародные коллективы, технику и все прочее. Я в этом деле мало понимаю, потому что далек от него. Но кто понимает, тот понимает! И знает даже, сколько это стоит! А также кому и во что обходится.

Когда родилась Эдит, семья уже переехала в роскошную квартиру на проспекте Мира. А до этого жила в довольно скромном подмосковном домике на Лосиноостровской. Уютный был домик, еще отцовский, но по тем временам не престижный. Поэтому и переехали.

Геродот рос мальчиком музыкальным, а Эдит – девочкой сообразительной.

Накопление средств шло скорее вопреки, чем благодаря, деловым качествам Ивана Ивановича и его Пани. Просто средств прибывало значительно больше, чем они умудрялись тратить.

Очень быстро приобрели дачку в Мамонтовке и автомобиль – такую же «волгу», которая в свое время прервала музыкальную карьеру Ивана Ивановича.

Геродот делал успехи в музыкальном училище, сначала по классу виолончели, а потом заменил ее роялем.

Он поступил в московскую консерваторию, а Эдит к тому времени уже окончила школу. Она никогда не проявляла никаких, даже самых малых способностей к музыке. Из-под палки училась в том же музыкальном училище, лениво брэнчала там на рояле, а дома на пианино марки «Красный Октябрь» и в конце концов бросила это дело. Зато ей давались языки.

По окончании школы она, хорошенькая, ладненькая барышня (я видел десятки ее фотографий), поступила в «инъяз» на переводческий факультет. Я даже удивился – потому что на переводческий девок почти не брали, их в педагогический записывали. Разве что, дочерей самых влиятельных и уважаемых людей. Можно себе представить, как ценили Ивана Ивановича, если его дочь на переводческом училась!

Замуж она не торопилась, якшалась с разными стилистами, в основном, из актерской среды, подрабатывала синхронным переводчиком с английского и французского на кинофестивалях и все же чуть было не выскочила замуж за одного старого маститого режиссера, следом за этим – за такого же старого и такого же маститого ленинградского актера, а потом вдруг ко всем этим маститым охладела и заявила родителям, что вообще не собирается замуж и жизнь проживет так, как ей нравится – на лету и на бегу. Пока, мол, не подстрелит какой-нибудь меткий охотник.

Охотников, как я догадываюсь, было много, но то ли стрелки они были слабые, то ли цель оказалась слишком увертливой, но так до встречи со мной и вхождения в ранний бальзаковский возраст Эдит оставалась независимой и неокольцованной.

Иван Иванович по поводу сына был абсолютно спокоен. Его больше волновала дочь и необходимое ей для счастливого брака приданое. Ради этого он и трудился. Не заметил, как пианист Геродот, который благодаря своему ангельскому таланту поднялся на высокую ступень в табеле о рангах среди музыкантов, вдруг запил. Все чаще после концертов он приползал домой буквально «на бровях», а иной раз даже не добирался до дома. Раза два или три Иван Иванович ездил за ним на своей «волге» в милицейские участки и вытрезвители. Однажды он показал сына приятелю приятелей – известному психиатру, занимавшемуся бессмысленным лечением алкоголиков. Тот пообщался недолго с Геродотом, скривил рожу и заявил его отцу:

– Это всё, мой друг! Вы не заметили как он пропил свой талант. Он законченный алкоголик. Дальше будет только хуже. А о музыке пусть лучше забудет. Это его только бесит! И провоцирует... Таково его психическое устройство, если хотите знать.

Знать этого никто не хотел. Геродота отправляли на лечение, промывали, прочищали, но он, как водится у алкоголиков, находил хитрые лазейки, сбегал из-под наблюдения, от врачей, от родителей и пил запоем в простеньких и, опасных компаниях.

Потом начал подворовывать – сначала в семье, а скоро уже и на чужих дачах в той же Мамонтовке. Его поймали, арестовали, велели паспорт показать. Как того цыпленка... «Цыпленок жареный, цыпленок пареный...» Словом, в тюрьму его отправили. Тут папе говорят «гони монету, монеты нету – снимай пиджак».

До последнего пиджака дело, правда, не дошло, но монету запросили серьезную.

Дважды выкупали этого цыпленка из разных переделок. Концерты закончились, началась веселая работенка в продмагах в должностях то грузчика, то экспедитора, то еще кого-то безответственного. Опять наркологические больницы, чистка истощенного алкоголем организма, постоянные побег, короткие аресты и тому подобное безобразия. Знали уже Геродота Ивановича Боголюбова в милиции как конченую личность. Иногда, в минуты просветления и короткой трезвости он все же брэнчал дома на пианино, услаждая слух родни. Один раз и мой слух усладил...

По сравнению с ним лихой свист по жизни, доносящийся от Эдит, казался Ивану Ивановичу прямо-таки соловьиной трелью. Главное, не пила, не бузила, не лечилась и не числилась ни в каких позорных списках.

Однако выдать ее замуж было просто необходимо. Время к внукам подошло, а откуда они возьмутся! Ни братец, ни сестрица ничего путного в этом направлении делать не намеревались.

Когда я узнал эту часть их семейной истории, то, пряча глаза, с облегчением подумал, что моя Женька, хоть и нагуляла одну черную розу и один горящий факел на свою и мою голову, все же поступила с точки зрения продолжения рода и вообще природного своего предназначения совершенно правильно. Верные инстинкты у моей дочурки! Я даже почувствовал себя окончательно счастливым человеком.

Ивану Ивановичу, на самом деле, к тому времени оставалось уже жить очень недолго. В его желудке завелась опухоль, которую сначала приняли за острый гастрит, потом за язву и, наконец, за нее саму. А она лечению уже не поддавалась, потому что перешла в последнюю свою стадию. Боли начинали донимать Ивана Ивановича весьма серьезно. Он еще держался на каких-то лекарствах, страшно дорогих, худел, высыхал. Его посадили на жесткую диету, а ко всему прочему неожиданно открылся диабет, который потянул за собой сердечные дела, сосудистые и прочие прелести. Словом, путь Ивана Ивановича Боголюбова приходил к своему завершению.

А тут случилась революция. Животворящая коммунистическая идея громко и духовито лопнула. Вместе с ней скончались организации, названия которых начиналось неприступным сокращением «гос», то есть разные там Госснабы, Госкомитеты и Госконцерты. Иван Иванович, ослабленный болезнью, уже приговоренный к ее летальному завершению, буквально схватился за голову: с чем останется его Паня, что, кроме весьма скромной дачи, древнего автомобиля и добротной старой квартиры, требующей постоянных затрат, есть у его семьи, как они справятся с постоянным лечением музыкального сына Геродота, и вообще что с ними со всеми будет! К тому же, ему самому еще требовались деньги на операции, химиотерапию, радиологию, лекарства и прочее, прочее, прочее. Сдаваться так просто Иван Иванович не намеривался.

Вот тут и нашелся доброхот – младший сын старого друга отца Ивана Ивановича, того самого, который работал администратором в Большом. Этот младший сын сумел к тому времени сделать блестящую финансовую и даже, в некотором смысле, политическую карьеру. Он сначала, правда, работал в казино «Марина» или «Мальвина» (черт его знает, что за казино такое!), потом перешел в один небольшой банк. После того, как банк развалился, поступил в другой, покрупнее, затем в третий и остановился в четвертом, самом крупном и богатом из них – «Фрай-банк». Звали его Леонидом Михайловичем Казимировым. Усыхающий Иван Иванович его любовно окрестил Лёнчиком, хотя в предпринимательском и финансовом мире его называли по-другому. У него была кличка – «Европа». Шел он к ней, хоть и быстро, но через колкие тернии дорогостоящих проектов.

Этот самый Ленчик был в среде новых русских бизнесменов человеком довольно заметным. Он иной раз выступал в качестве финансового эксперта на страницах серьезных экономических и политических журналов. Его неглупое полное лицо примелькалось на телевидении, а голос стали узнавать в радиопередачах. Казимиров умел говорить очень складно, веско, с легкой прозрачной улыбкой, за коей угадывалось, что он-то как раз знает больше тех солид-

ных журналистов, о чем-то спрашивающих его с провокационной кислой усмешкой, и больше тех, о ком он очень авторитетно говорит. Одно время Леонид Михайлович был нарасхват, до такой степени его комментарии отличались политическим эпатажем и, в конечном счете, экономической прозорливостью. Его звали в какие-то модные демократические и в консервативные партии, которым он в равной степени подходил своей неглупой двусмысленностью, но он отказывался, намекая, что находится посередине шкалы общественных оценок и вовсе не тяготеет к крайним позициям.

Имидж этого человека рос на глазах. Вроде бы, честен, умен, что крайне редко совпадает у человеческих особей, цивилиен и цивилизован. Его персональная цена, включающая официальный уровень личных материальных доходов, находилась на самой верхушке шкалы управленцев высшего звена.

Кроме того, что Леонид Михайлович был известен в узком кругу в качестве очень удачливого и прозорливого спеца в закручивании сомнительных финансовых проектов, он широко славился и своим тонким юмором, и необыкновенной способностью предугадать развитие событий на политическом олимпе. Какое-то время Казимиров даже являлся вторым лицом в одном из самых влиятельных и самых модных исследовательских институтов в области международных экономических отношений. Очень незаметно для окружающих он вдруг стал ученым – ему присвоили сначала кандидатскую, а затем и докторскую степень в политологических науках. Многих покорило лишь то, что это произошло на удивление быстро. В одном международном институте он даже читал лекции и его стали называть профессором. Некоторые ухмылялись, слыша это, но Казимирина мало что смущало в жизни. Он был сказочно богат, а это искупало всё, на его взгляд.

Злые языки, завистники, шептались о том, что диссертации свои, как и звания, он купил в разоряющемся университете в обмен за какие-то особые научные привилегии лично для ректора и двух его заместителей, которые он легко выбил для них в высших правительственных кругах. Кто-то из этих кругов тоже слишком быстро приобрел солидное ученое звание. Меновая торговля научным имиджем и привилегиями шла и идет по сей день очень бойко. Ленчик ее как будто даже какое-то время курировал.

В течение одного года появились две монографии (а затем и еще одна), об экономических перспективах объединенной Европы и нашей страны, как ее неотъемлемой в ближайшем будущем части, за подписью некоего проф. Казимирина Л.М. Правда, двое аспирантов из Московского университета стали скандалить, заявляя, что у них просто похитили работы, которые они писали и составляли пять последних лет. Однако один из них неожиданно умер от какой-то загадочной вирусной болезни, а второй исчез, якобы в эмиграции, и там как будто отравился чем-то непонятным и тоже до смерти. На этом болтовня о грязном плагиате ушла в песок.

В научных кругах рассказывали какие-то фантастические истории о том, что накануне защит диссертаций крупными чиновниками, их женами, любовницами и недорослями-детишками, на домашние телефоны принципиальных научных оппонентов звонили неизвестные мужчины с грубыми голосами и произносили что-то вроде следующего:

– Заткни хайло, падло! Вякнешь завтра чего-нибудь, мы тебе мозги через нос высосем!

И никто не вякал. Так в научном корпусе страны появилась многочисленная когорта новоявленных «ученых», которые нередко и свою-то, известную во властных кругах, фамилию без ошибок написать были не в состоянии. Рассказывали, что голоса звонивших научным оппонентам были теми же, что почти в таких же выражениях и с тем же узнаваемым тембром требовали выплаты долгов «Фрай-банку» запаздывающими кредиторами, в основном, самыми мелкими и беззащитными. Подчинялись эти грозные голоса лично Леониду Михайловичу Казимирову, курировавшему в банке как раз возврат долгов, а в научном мире – распределение званий и должностей. Во всяком случае, там он был фигурой заметной.

А еще он очень любил поглощать! Ну, прямо, хлебом не корми, дай что-нибудь или кого-нибудь поглотить – растерявшиеся мелкие банки, разоренные им же и его приятелями учреждения и компании, клубы, рестораны и даже крупные градские, областные и федеральные больницы, в которых он буквально «ел» поедом и больных и врачей, да и просто зазевавшихся человеческих особей, где бы они ни оказывались во время его «обеда». Часть этого он поглощал лично, с удовольствием, а часть проглатывал его всесильный и наглый банк, то есть тот, в котором он был первым вице-президентом. К столу приглашались и авторитетные представители государственной власти и даже видные уголовники.

Ленчик очень любил хорошее охотничье оружие, старинное и новое, с электронным и оптическим прицелами, с инкрустацией и без нее. Он вообще любил изящные вещи. На охоту ходил редко, потому что все, кто его знал, боялись, когда он куда-то целился, нетрезвый и бессердечный. Но, тем не менее, богатый дом в Барвихе был полон разных охотничьих трофеев, большей частью, не им добытых, и тех, самых редких, страшно дорогих ружей. Даже в кабинете на почетном месте стояла чудная германская винтовка с пейсовской оптикой. Да еще зачем-то снаряженная боевыми патронами. И в столе их целая россыпь была.

В общественном вещании Казимиров со свойственной ему прозрачной улыбкой любил рассказывать об исторически сложном пути лапотной России к просвещенной Европе.

– Мы, европейцы, – нередко говаривал Леонид Михайлович, делая ударение на эти неожиданные для всех слова в его русских устах, – видим Россию в качестве плохо воспитанного подростка, которого следует и поощрять, и наказывать, согласно всем европейским традициям передовой педагогики.

Эти слова дали импульс к новой сплетне в политологических и финансовых кругах о том, что Казимиров негласно представляет в России интересы какого-то очень влиятельного европейского политического института. Кое-кто из видных европейцев, будучи в гостях в России, даже подтверждал это неопределенным мычанием и прозрачными намеками. Те же доморощенные злые языки утверждали, что такое мычание обходилось Казимирову и банку, в котором он был первым вице-президентом, весьма недешево. Но затраты стоили того! Потому что они раздували «общественное тело» Казимирова до самых солидных объемов. Банку это тоже нравилось – все же первый вице-президент. Тут особое доверие!

– Европа, – уныло вещал иной раз Леонид Михайлович, – смотрит на нас с печалью и надеждой, а мы, сырые и подчас неисправимо убогие в своей славянофильской дикости, воспринимаем этот почти материнский взгляд как враждебный, чуждый и оттого допускаем обидное неуважение к ее институтам, к ее традиционным, проверенным веками воззрениям, к ее культурологическим оценкам и прочее, прочее, прочее. Европа – это великая стена, по типу той самой, известной, китайской, которая стоит между средневековым убожеством имперского нашего прошлого и постиндустриальным раем нашего же будущего, если только мы в этом будущем захотим видеть наших детей и внуков. Сами-то мы уже опоздали... М-да! Беда! Трагедия! Национальная трагедия, я бы сказал. И великая скорбь! Прости, Господи!

Леонида Михайловича именно поэтому и прозвали тогда Лёней-Европой или даже попросту Европой. Так и говорили: «Леня-Европа сказал... Леня-Европа советовал... Леня-Европа полагает...»

Один из старых криминальных авторитетов в какой-то ночной передаче на центральном канале так и вообще не упоминал имени Леонида, а прямо говорил: «Как сказал Европа...». И все понимали, о ком идет речь. Вообще, в криминальном мире это прозвище воспринимали как обычную для их среды кличку. Среди блатных даже ходили слухи, что Европа – их известный авторитет, неоднократно судимый. Но тут они ввали. Просто всем хотелось заполучить в свои ряды такого солидного и удачливого персонажа.

Однако уголовники были недалеко от истины, если, правда, не считать того, что Леонид Михайлович пока еще под судом не состоял. Он действительно был склонен к финансовым

аферам, и чем они были мельче, чем больше в них присутствовало крохоборства, тем он увереннее себя чувствовал. Это как грех kleptomании у миллионера – нет, нет, да сопрет серебряную ложечку на приеме или в гостях. Или вещичку какую-нибудь незаметно сунет в карман в магазине, например, статуэточку-безделушку, или кулончик какой, или еще что-нибудь совсем уж дешевое. Потешится, посчитает потом скромную свою прибыль и тут же удовлетворенно хмыкнет. Больной он человек, а не просто грязный грешник. А ведь после всего этого упереть миллионы становится делом не таким уж и грешным, и уж точно не грязным. Тут ведь особое искусство, а там – для удовольствия, ради поддержания притока кислорода к мышцам. Да и уверенности прибавляет в большом, воспитывает, так сказать. А потом, нечего зевать около него! «Так тебе и надо, не будь такой болван и нечего тебе глазеть на ераплан!»

Леня-Европа, когда Иван Иванович Боголюбов «зевнул», почувствовал себя как в том магазине, в котором все было доступно его шаловливым ручкам.

Боголюбов, помня о солидности и надежности известного имени Казимилова, доверил ему все оставшиеся семейные деньги. Скоплено же их в иностранной валюте, как обнаружилось, было довольно прилично, и это несмотря на то, что много пошло на взятки за сына-алкаша. Но Лёнчик капризно скривил губы и заявил, что для одного большого и страшно выгодного дела требуется сумма еще большая. Недолго думая, Иван Иванович заложил тому же Лёнчику, да еще в том же его банке свою дачу в Мамонтовке. Лёнчик, будучи человеком хозяйственным от природы, и этим не погнушался. Он, предусмотрительный экономист и ученый, предполагал, что цена подмосковной земли в самое ближайшее время вырастет в двадцать-тридцать раз. Почему бы не взять ее за бесценок теперь?

Продали за копейки даже автомобиль, который давно уже водили и Эдит, и даже Геродот – когда трезвел и принимал решение начать все сначала, допустим, с управления «волгой», чтобы немного заработать ночным извозом. Но теперь и ее продали заезжому овцеводу-кавказцу, так как впереди маячили куда большие перспективы, чем все эти ржавые советские блага вместе взятые.

Но и этого оказалось недостаточно. Для ожидаемых многомиллионных прибылей требовалось раза в три больше. Иначе никак! Одни «мудовые рыдания», по словам того же Ленчика. И всего-то месяца на два! А там – манна небесная на голову посыплется. Не то что мамонтовская дача и старенькая «волга», а целые дворцы упадут, «линкольн», может быть даже, и непомерный, фантастический счет в одном страшно надежном и почти уже своем швейцарском банке.

– Кто сейчас схватит побольше, того потом и тапки! – убеждал Лёнчик. – Мне-то вы верьте, дядя Ваня! Именем покойного отца моего и даже вашего, заклинаю! Вот-те крест! Удача в руки сама идет! Вылечат вас от вашей болезни, дядя Ваня, в Германии или даже в Израиле. Там, знаете, какие врачи! А техника какая! Люди даже рады, когда болеют, потому что покупают страховки и им по тем страховкам еще доплачивают. У нас тут дикость одна, а там – жизнь! Европа все же! Не убогая нищая Русь...

Это сейчас многие стали осмотрительней – и так прикинут, и тут подсчитают, непременно в интернет залезут, в эту общемировую помойку, скачают что-то, что-то закачают... В общем, постараются собрать побольше информации и всякого компромата. И только потом со спокойной душой отдадут мошеннику свои сбережения. Непременно мошеннику, потому что никто больше их так урожайно собирать не умеет. Но сначала ведь покопаются везде, где можно, поиграют в осторожность. И с радостью разорятся.

А в те годы, то есть в короткую эпоху нарождающегося дикого русского капитализма, ни интернета, ни опыта какого-никакого у доверчивых, равно как и у недоверчивых граждан, не было. А было вполне понятное желание – стать сказочно богатыми, как все до единого в развитой Европе или даже в Америке, и жить припеваючи в новом нашем раю. Ведь рай под названием Коммунизм абсолютно очевидно, что не состоялся, а вот под названием Капитализм,

похоже, уже почти на кончике носа. Иначе как понимать тайный, только для своих (никому ни слова! Ни-ни!) сбор средств, называемый «аккумуляцией», во имя покупки каких-то золотых векселей, за которыми стоят не то наши авианосцы (а были ли вообще они?), не то волшебные подземные озера нефти и густые облака газа. Ну, еще сахарный песок в стратегических количествах, древесина, танки, какая-то странная «красная ртуть» и горы дивных изумрудов с Уральских гор. Если собрать много-много денег, купить векселя разоряющихся советских фабрик и заводов, то менее чем через пару месяцев, ну, в крайнем случае, месяца через три, на головы вовремя подсуетившихся, в доску своих людей посыплется даже не золотой, а платиновый дождь. Ливень просто! Кстати, там на добычу платины тоже какие-то векселя были. Кому как не Лёнчику было это знать и уметь? Профессору Казиминову, признанному экономическому оракулу, первому вице-президенту знаменитого и солидного «Фрай-банка»!

Но что можно сделать с мизерной по тем требуемым гигантским масштабам суммой? Он же сказал – одни рыдания! Причем эти... мудовые!

Иван Иванович тут же вспомнил об одной «госконцертной» еврейской семье, состоявшей из двух одиноких людей – Израиле Леопольдовиче Рубинчике и его супруге Розе Карловне. Обоим было тогда уже за шестьдесят, детей у них не было, а денег скопилось много. Не на кого было тратить, посему и скопилось. А как же с оборотом, с ростом! Тут такой случай, дорогой вы мой Израиль Леопольдович! Да скажите же ему, Роза Карловна, наконец! Лёнчик – близкий человек! Разве такой обманет! Разве профессор подведет?

Что там ударило в обычно сообразительную и осторожную голову Рубинчика неизвестно, но однажды он принес в банк какую-то безумную сумму иностранных денег. Еле дотащил в дорожной сумке, слаб был уже. Вывалил на стол Лёнчику в присутствии совсем уже высохшего Ивана Ивановича и спросил:

– Сколько нам с этого будет, молодой человек?

– Всё будет! – Лёнчик pokrылся холодной испариной.

Он что угодно ожидал от этих старых чудаков, но такого!.. Это же кому сказать!

И деньги, как рубинчиковые, так и боголюбовские (вместе с заложённой дачей в Мамонтовке) исчезли в перспективных руках честного, «почти родственника» Лёнчика Казиминова. В буквальном смысле слова – исчезли! И что примечательно – векселя и облигации (а там еще и они присутствовали у Боголюбовых) оказались совершенно ничтожными бумажками, которые невозможно было использовать даже в санитарных целях: слишком они были твердыми и маркированными.

Рубинчики почти помешались, когда им позвонил Иван Иванович и сказал, что Лёнчик очень сожалеет о том, что сделки провалились (по вине государственных чиновников, будь они неладны!) и богатство он сможет вернуть лишь через год-другой. А пока надо потерпеть! Конечно, таких процентов он уже не обещает, но все равно сумма будет удовлетворительной. Это Иван Иванович, собирая последние силы, говорил Рубинчикам.

– Ваня! – плакал мелкий и тощий Израиль Леопольдович. – Мы же так продуктивно с тобой работали в Госконцерте! Я столько раз, рискуя, поддерживал твои не всегда умные идеи. Мы не горели лишь потому, что я вовремя тебя останавливал и направлял, куда следует. И что теперь за это получил? Доживу ли я или моя Розочка тот год-другой, чтобы получить, хоть и не столько, сколько обещали, то хотя бы столько, сколько отдали?

Иван Иванович не дожил. Он умер. Тяжелой была эта смерть – долгой, мучительной. Семья не отходила от него почти неделю, с момента обострения болезни, той, которую сначала принимали за острый гастрит. Средств даже на облегчение болей (а средств требовали, требовали, потому что и перевязочных материалов в «скорых» в те годы не было!) не хватало.

Мучился несчастный так, что Боголюбовы до сих пор без содрогания вспомнить об этом не могут. Уколов нет, таблеток нет, только Геродот спирт разводил и, отказывая себе в самом

необходимом, поил им умирающего отца. Чтобы тот хоть забылся ненадолго! Так страшно всем было!

Рубинчики тоже разболелись. Но звонили Боголюбовым, теребили уже Паню, а когда попадали на Геродота или Эдит, горько плакались им.

Лёнчик сначала соблезновал всем подряд, а потом и трубку перестал брать. В своем банке он уже стал почти главным акционером. Лишь президент банка некий Тянижилов был богаче его.

Вот так помогли ему сбережения Рубинчиков и Боголюбовых. Прав он все же был – проценты-то набежали без всяких там марких и жестких векселей. И платина, и уголь, и древесина, и нефтяные моря и океаны (не просто скромные подземные озера!), даже газовые облака – всё сработало, всё заколосилось. Только урожай собирал он один, а возможно, еще с кем-то трудолюбивым, но, главное, что не с Боголюбовыми и Рубинчиками, которым все эти начальные средства по существу и принадлежали.

Прошло несколько нищих, безрадостных лет без Ивана Ивановича, без жалобных звонков разоренных почти вчистую Рубинчиков и, конечно, без уже совершенно недоступного Лёнчика. Его только изредка по телевизору показывали. Он продолжал авторитетно предсказывать России великое европейское будущее. Надо, мол, только жить честно! И всё! И трудиться, трудиться...

А тут вдруг приходит к Боголюбовым домой аккуратный такой, в костюме, в рубашке с галстуком молодой человек из того самого «Фрай-банка», который уже стал целым холдингом, почти первым в новой, модернизирующейся теперь России, а с этим молодым человеком еще двое – не очень молодых, но тоже крепких и решительных, и тоже в строгих галстуках. Торжественно и деловито вручают они конверт растерянной Пане в протертой до дыр кофте из ангорской шерсти (давний подарок родного покойника Ивана Ивановича к восьмому марта бог знает какого года) – по типу тех, что я по городу вожу.

– Вот, прочитайте и ждите звонка. Мы вам потом скажем, что и как. У вас две недели. Больше нельзя.

Паня, когда они ушли, конверт разорвала и бумажку в десять мелких строк раз пятьдесят перечитала. Но ничего понять не сумела. Векселя, акции, конвертации, обслуживание долга, сделки-проделки и тому подобное. Разве Пане такое понять? Одно только было ей ясно – Боголюбовы этому банку остались очень много должны, потому что он что-то там им обслуживал и дачу их долго и нудно продавал, а она почему-то оказалась ничтожной по цене, а вот банку пришлось потратиться на что-то страшно важное и большое ради неблагодарных Боголюбовых. Так что, квартира на проспекте Мира, в которой незаконно теперь уже проживает Паня, Эдит и музыкальный алкоголик Геродот частично (обратите внимание, частично!) может на время покрыть долги семьи. А там, мол, возможна какая-то реструктуризация долга или что-то еще подобное, и, может быть, страшные финансовые грехи семьи частично даже спишут. Благодарить, мол, не надо!

Вот это Паня пятьдесят раз до прихода Эдит и прочитала.

А утром следующего дня Эдит сообщила мне, что готова перевезти на Самотек всю свою несчастную семью. А именно – ко мне, к сирому.

Когда же я стал разбираться со всей этой семейной трагедией, то есть, когда мне о ней рассказывали за общим боголюбовским столом на ночь глядя, Паня и заметила сыну Геродоту, что не все чисты кровью в этой истории. Кого она имела в виду? Рубинчиков, должно быть. Не Казимилова же! Он-то чистый, дальше некуда!

– Геродот пропил свой талант, – почти уже заключила рассказ в середине ночи Эдит. – Он у нас тут единственным мужчиной остался. И тот уже без талантов. Опереться не на кого. У тебя, Энтони, есть опыт. А опыт так просто не пропьешь! Отдаем себя в твои руки. Больше не в чьи.

Все молчали, только Паня всхлипывала, с надеждой глядя на меня, на нищего курьера. Моцарт, казалось бы, мирно дремал на коленях Геродота, но вдруг приоткрыл один из своих острых желтых глаз и пристально кольнул им меня.

– Я папиных болей никогда не забуду, – закончила печально Эдит. – Его страдания, его ужас в глазах! Он оттого так мучительно умирал, что семью разорил. Но он не знал тогда, что это еще не всё. А как он на меня смотрел в последнюю ночь, прощения просил...

Вот, значит, чем заканчиваются случайные знакомства в моем метро!

Как я низко пал

Ну, что ты будешь с этим делать!

Эдит права в одном: в прошлом я, если и не «профессиональный убийца», то, во всяком случае, специалист очень узкого профиля. Причем специалист не такой уж и дурной! Но от меня избавились. Я не сам ушел.

Охранником или еще каким-нибудь цепным псом я быть не хотел. Хватит, погрел уже цепью за свою длинную жизнь! И видеть никого, с кем был связан на той своей службе, тоже больше не желал.

Назло всем, включая себя самого, подобрал самую ничтожную, самую безответственную работенку. Я стал курьером. Собственно, ответственность там какая-то все же есть..., но она больше лежит на широких плечах тех, кто меня куда-то посылает, и тех, кто меня где-то ждет. В конечном счете, у меня всегда есть возможность послать их всех туда, где их вообще никто не ждет. И в этом смысле, я безответственен!

На тех фотографиях в альбоме Эдит разглядела лишь то, что в альбоме осталось. Большую часть я оттуда вытащил уже давно и «секвестировал» в унитаз, изорвав на мелкие клочки.

Вот там было нечто, что вряд ли поколебало бы Эдит в ее оценках моей профессии. Я даже не стану говорить об этом, потому что тогда какого дьявола уничтожил те фотки?!

Думаете, мне стыдно за те мои дела? Заткните, знаете куда эти свои мысли! Да, да! Вот туда! Там только им и место.

Мне не может быть стыдно за то, что я делал! Более того, любезные господа и нелюбезные товарищи, если бы мне вернуть всё назад – и мою беззаветную веру в справедливость и честь, и в то, что цель оправдывает средства, потому что пути Господни неисповедимы, и моих товарищей, столь же наивных в жизни и столь же циничных в деле, – то я начал бы все сначала и прошел бы тот же путь. Ну, может быть, до того момента, когда кто-то во всеуслышание назвал нас, а значит, и меня – профессиональными убийцами.

Мы не убивали! Мы устраняли препятствия на пути великой и вечной идеи. Вечность идеи, между прочим, определяется не одним поколением, а всей историей человечества. Поэтому я верил и верю до сих пор, что идея по своей глубинной сути была верна, а мы были ее преданными оловянными солдатиками. Человечество много раз подступалось к этой идеи и столько же раз теряло в нее веру, потому что не с той стороны подступалось. Мы же как раз и старались «устранить препятствия», да видно, не вышло....

Однако меня крепко обидели, назвав грязным убийцей. В это время с экранов телевизоров, со страниц газет не сходили материалы о «киллерах» и «братках». С ними в один ряд был поставлен и я со своими наивными, хоть и крутыми парнями.

На одной из телепередач, куда нас отправили со службы, чтобы мы защитили мундир (как будто это была наша задача, черт возьми!), я не перенес истерики зала и бесцеремонности каких-то дерьмовых оппонентов..., ну и двинул от всей души одному очень популярному ведущему непосредственно в прямом эфире, да так эффектно, что он угодил на больничную койку, а меня отдали под суд.

А еще я раздолбил им дорожную камеру, еще какие-то приборы и гонял по студии нагло толстого оператора, который всю дорогу норовил залезть своим объективом мне прямо в рот. Осколков и разной мелкой трухи в павильоне было столько, сколько не бывало даже в резиденциях зарубежных тиранов и всяких людоедов после неожиданного прибытия с небес наших «боевых ангелов», нередко во главе со мной. Визгу было, крику, соплей! Я честь мундира защищал, а страна наслаждалась! Такое шоу! Как будто мы сами себя туда посылали, в то пекло! А те, кто не вернулся? С ними как? Вот я и разошелся тогда! Ох, разошелся! Сам себе удивлялся потом. Женька моя даже слов не нашла, когда все это по ящику увидела, в прямом

эфире. Глазищами хлопала, головой качала. А внушки радовались, в школе всем с гордостью говорили – тот военный хулиган... так это наш дед. С кем хочешь, разберется!

Я получил три года условно. Был уволен с треском, лишен воинского звания и боевых наград. Вот тогда я и изорвал в клочья все фотографии из альбома, которые могли бы мне напоминать то, что вся страна, оказывается, хотела поскорее забыть. Оставил лишь общие снимки и еще какую-то незначительную мелочь.

Один мой старый начальник, который и отправил тогда нас в тот телевизионный эфир, по телефону предложил мне скромную работу в его новом охранном агентстве. Но я плюнул прямо в трубку и тут же раскрыл бесплатную газету. Я решил для себя, что то объявление, в которое я ткну пальцем, и станет для меня приглашением на работу. Таким объявлением оказалось следующее: «Компания приглашает пожилого человека, возможно пенсионера, на работу в качестве курьера. Требования: личное здоровье и способность переносить длительные поездки. Служебная биография значения не имеет».

Это как раз было обо мне – личное здоровье и способность оказаться в любое время в любой точке, куда меня пошлют. Зарплатку предложили унижительную. Но я человек последовательный – коли сказал, что возьмусь за то, куда ткну пальцем, то непременно возьмусь! И взялся.

Вот так я низко пал – из «профессионального убийцы», да еще командира над такими же «грязными» убийцами, стал тихим стариканом, возящим по столице и ее окрестностям разные запечатанные конверты и ведомости.

Не верите? Вы на такое не способны?

Ну, хорошо! Оглянитесь в вагоне метро вокруг себя. Что вы видите? Состоявшихся, счастливых людей? У них глаза светятся от счастья и сытости?

Вот то-то и оно! А вы не верите.

Все они курьеры. Только каждый возит свое несчастье в собственном направлении. Нет, есть, разумеется, исключения, но они только подтверждают правило.

«Мне в моем метро никогда не тесно...»

Рассказ Боголюбовых о том, как их и Рубинчиков надул Лёнчик Казимиров, меня несколько не удивил, хотя и взвинул до невозможности. Я чуть не разрыдался, честное слово! Но таких историй в наши дни тысячи! Кто был никем, тот станет всем, а кто был кем-то, тот в заднице. Клянусь, этакий новый революционный марш очень в строку. Умел бы рифмовать, точно бы написал! А Геродот Иванович положил бы его на музыку.

Но уникальность данного случая состояла для меня в одном – это случилось с немолодой уже девушкой Эдит, а с ней у нас особые отношения. К тому же, она видела мой «дембельский» альбом и правильно угадала мою старую профессию. Да, правильно! Другое дело, что вкладывать в эти слова – «профессиональный убийца»! То, что вкладывал тот ведущий, стоило ему ответных вложений с моей стороны – прямо в рыло! А девушка Эдит, напротив, очень даже любит этим волшебным словосочетанием. И искренне надеется на него. Так как же я могу обмануть ее светлые ожидания? Она хочет видеть «профессионального убийцу», а я ей что, курьера покажу? Повторяю, у нас ведь особые отношения. Особые!

Я взялся за предварительные расчеты. А это дело очень важное и кропотливое. Здесь мелочей не бывает. Даже падение с небес на строго охраняемый правительственный объект боевой офицерской роты «ангелов смерти» сначала детально рассчитывается в тиши солидных кабинетов, репетируется в похожих условиях, и уж только потом все падают.

Тут по существу я в единственном числе, то есть одинокий «ангел», а мои помощники, они же наниматели, скорее, способны больше мешать, чем помогать.

Словом, престарелый курьер плюнул на свое курьерство. И взялся за старое.

Заговор приговоренных

С подробностей о нынешней жизни Леонида Михайловича Казимилова я и начал свои изыскания. Ничего удивительного или хотя бы необычного для людей его категории не обнаружил. Мы уж тут всякое слышали. Времена такие...

Но все же я составил на него подробное досье. Для этого сходил в ближайший магазин канцтоваров, у той же Новослободской, купил там импортную пластиковую папку, скоросшиватель (слово-то какое ёмкое, прямо с политическим подтекстом!), стопку мелованной бумаги, клей, ножницы, а также набор разноцветных шариковых ручек и фломастеров.

На моей старой службе без секретного делопроизводства никогда ничего не предпринималось. Сначала надо взять папку (тогда они были серыми, скучными, грубого картона), вывести в правом верхнем углу «секретно» или «совершенно секретно», или даже «секретно, особой важности», потом вшить какое-нибудь постановление о заведении делопроизводства и дальше напихивать туда нужные и не очень нужные бумаги. Это для памяти, для отчета, для оправдания и для прочей чепухи. Но главное все же для правильного и точного планирования.

Тут дело обстояло проще – «оправдывать» эта наша новая папочка не могла (даже напротив!), отчитываться было не перед кем. А вот правильное и точное планирование со всеми подробностями и особенностями предстоящей операции необходимо.

Во-первых, в деле я был, вроде бы, один, а тут с папкой нас сразу становилось как бы двое. Она ведь мой единственный помощник теперь. Хотя нет! Но это я уже потом понял, когда все началось.

Во-вторых, память моя уже, можно сказать, стариковская. На нее полагаться никак нельзя.

В-третьих, собранные материалы дают возможность обозреть всё дело целиком. А это иной раз очень важно. То, что вы сейчас читаете, и есть, по сути, основное содержание той папки. Там, правда, все суше изложено. Профессиональнее.

Словом, контора пишет.

Первый лист:

Леонид Михайлович Казимиров. 19 июня 1962 г. р. Родился в городе Ленинграде, ныне Санкт-Петербург. Образование – высшее, экономическое. Национальность – русский, социальное происхождение – из семьи совслужащих, официально – женат, детей не имеет. Проживает: город Москва, Садово-Черногрязская, и так далее ... Место работы: «Фрай-банк», должность – первый вице-президент. Доктор политологических наук. *Дальше жирный вопрос и решительная пометка – «лажа».*

Имеется охрана – два водителя и телохранитель. Постоянное сопровождение.

Автомобили: «БМВ», 7-й серии, черный, с затемненными стеклами. «Мерседес Бенц – Гелендваген», черный катафалк, салон не просматривается. «Феррари-Дино», красный, спортивный. Первые два стоят в гараже банка, третий в подземном гараже дома, на первом уровне. Вход в гараж с улицы и со двора. Место – 29-е, бокс.

Виллы: Барвиха, Одинцовский район, Московская область, на берегу реки Самынки. Дом четырехэтажный, кирпичный, с двухуровневым подвалом, имеется лифт. Спуск к реке со своим причалом из мрамора и малахита, а также с ангаром для двух катеров и яхты. Одно место гостевое. Во дворе бассейн круглой формы с тентом, в доме еще один – крытый, подогреваемый, прямоугольный, на крыше солярий и летний бар. Летний корт, мини-гольф. Еще имеется спортивный зал с тренажерами и бильярдная с тремя столами. Крытый зимний сад с чайным домиком и искусственным прудом. В подвальном помещении дома – частное казино с одним карточным столом, рулеткой и барной стойкой с напитками. Там же небольшая круглая

сцена с шестами для танцовщиц и креслами для гостей. Тут же две парилки (русская и финская) и комната для интимного отдыха. Во дворе, рядом с гаражным комплексом на восемь автомобилей и ремонтной зоной, двадцати пяти метровый тир с электронным проектором и звуковым сигналом для мишеней. Своя бойлерная и щитовая. Подстриженные в английском стиле газоны, небольшой фонтан и беседка с видом на реку. Полив газонов автоматический, в зависимости от влажности и температуры воздуха. Площадка с основательным мангалом и гостевым столом под черепичной крышей. Расположение технических, садовых и спортивных объектов компактное, выполнено группой известных итальянских дизайнеров. Строится небольшая вертолетная площадка с ангаром. Проект США. Обслуживание постоянное. Однако во время длительного отсутствия хозяина персонал в целях экономии на зарплате распускается. Включается специальная элеткронная система защиты, имеющая прямой вывод на местный отдел полиции. Постоянное сканирование территории через спутник.

Сосед слева – вице-премьер правительства, дом аналогичный, сооружала та же дизайнерская и строительная группа. Бывает с семьей в гостях у Казимилова. Имеет кабинет в его же банке. Постоянная охрана.

Сосед справа – губернатор, владелец металлургических предприятий и крупного пакета акций в газовой отрасли, здесь бывает крайне редко. Живет, в основном, в Лондоне и в Эдинбурге. Дом под постоянной охраной. В гостях у Казимилова бывал дважды.

Ницца, Франция, в старом городе, рядом с собором Св. Репараты. Двухэтажный особняк девятнадцатого века. Имеется небольшой открытый бассейн и теннисный корт, общий с соседями-актерами. Охраны нет. Электронная система сигнализации.

Австрия, Альпы, горный дом, адрес не известен.

Водный транспорт: Яхта «Бавария», серии «Визион», стоит в порту Ниццы. Белая, моторная, высокоскоростная. Яхта «Зайчик», речная, прогулочная, польского производства, стоит в ангаре в Барвихе. Скоростной катера, класс не изветен. Стоит в ангаре в Барвихе.

Эти сведения плюс фотографии Казимилова я собрал за четыре дня. Спросите, откуда? Не скажу! Потому что если уж отвечать за предстоящее, то только мне персонально. А источники информации я обычно сразу забываю. К этому меня приучила старая служба. Предателей или доброжелателей вокруг хоть отбавляй. Кто-то из них на меня работает, а кто-то и против. Бывает, что это одни и те же люди.

Я позвонил одному своему старому доброму коллеге, пенсионеру уже, человеку надежному и честному, и попросил у него автомобиль недельки на две – на три. У него их два. Один, которым никто не пользовался с тех пор, как этот мой знакомец провалил свой малый бизнес, так и пылился во дворе его скромной подмосковной дачки. А мне именно такой и был нужен. Неприметный полугрузовой «Пежо-каблучок», французский. Два передних места для водителя и пассажира и закрытый фургон. И цвет, к тому же, неброский, серо-серебристый. Я в тот же день свинтил номера с другого «пежо», точного такого же, на стоянке перед сервис-центром и сразу привинтил их к этому автомобильчику. В центр я заехал на этой машине, поставил ее багажником к капоту той другой, втихую свинтил номера и тут же уехал. Охрана даже не охнула. И «гиббоны» на дороге не охнут – приметы машины те же, а на VIN двигателя, так же как и на номера, под чарующим воздействием двух-трех хрустящих бумажек и смотреть не станут.

Потом на этой машине я три дня пас Казимилова – стоял неподалеку от банка, но подальше от его камер наружного наблюдения, и прокатился за казимиловским «бумером», а на следующий день за его черным гробом-«мерином». Утром я аккуратненько провожал его на службу. Разглядел первого водилу, судя по всему, старого матерого пса из «семерки», и охранника – туповатого бычка с накаченными мышцами и рассеянным взглядом, похож на провинциала. Бычок мне понравился, олух, а вот водила не очень. Шныряет глазами туда-сюда, причем делает это неосознанно, по привычке. Это плохо! Пришлось ограничить наблюдение

за этой машиной двумя днями. А то приметит. Непременно приметит. Он рулит «бумером» мастерски, уверенно, с огоньком. За ним на «пыжике» угнаться трудно.

«Мерина» водит серенького вида мужичок, лет за сорок. Наверное, из ГОНа – гаража особого назначения, из правительственного. Не лихач, но «давит» на трассе умело, то есть спокойно хамит, расчищая себе дорогу уверенным шоферским опытом. Этот, похоже, возил когда-то больших советских шишек. Службу знает.

Вот, собственно, и весь улов. Скажете, мало? А я скажу – больше, чем следует! Из этого совершенно ясно – встретиться с глазу на глаз с Лёнчиком Казимировым так просто не удастся. Нужен оригинальный ход.

Второй документ – план квартиры Лёнчика. Большая, дорогушая, представительная.

Третий документ – план виллы в Барвихе. Это просто дворцовый пейзаж какой-то. Английский лорд сдохнет от зависти.

Квартиру я «задокументировал» на всякий случай после наблюдения с крыши противоположного высотного дома, а виллу – из интернета со спутниковой карты. Это вряд ли понадобится, но для досье сойдут все документы. Чем их больше, тем фантазия работает активнее, горячее. Это я по опыту знаю.

Никто с этим типом под одной крышей, похоже, постоянно не живет. Во всяком случае, домой он приходит один, включает свет и жрет на кухне. Запивает жрачку водкой. Думаю, чистенькой, не дешевой. Значит, и официальной жены рядом нет. Во всяком случае, не видно ее. Появилась на день какая-то блондинка, но утром исчезла. Вела, правда, себя по-хозяйски. Знала, где, что лежит. Гламурная такая. Кажется, к тому же, немного надменная. Думаю, дура.

Точка наблюдения у меня образовалась чудненькая. Сразу над технической камерой лифта. Там слуховое окошко имеется, выходит прямиком на окна Казиминова. А морской бинокль приближает все даже до ненужной четкости. Я вижу зубы, лениво жующие мясо. Отвратительное зрелище! И водку он пьет жадно. Алкоголик. Это – точно! Скрывает. Даже глаза закатывает от наслаждения, когда опрокидывает в себя рюмку. Одной не ограничивается. Эдак штук пять за вечер, потом перебирается в спальню и падает замертво. Окна выходят на одну сторону, поэтому всю его вечернюю жизнь можно наблюдать, как говорится, одним кадром. Блондинка та, когда он вдруг отрубился, подушкой его лупила по башке. Бесполезно. Потом погасила свет и сама задряхла.

На кой черт он обчистил две семьи почти до нитки? Чтобы вот так бездарно гнить по вечерам в холодной гигантской квартире? Идиот! Сволочь! Ничего себе оракул! Богат, как Крез, а всё ему мало!

Это я себя специально распаяю. Тоже опыт подсказывает – чем злее буду, тем ближе к успеху. Справедливая злость придает самоуважение, особенно, когда больше тебя уважать некому.

Теперь, как он выглядит – толстый, даже жирный, очень крупный, белокожий, с мелкими серенькими глазками, с пухлыми алыми губками, лобик небольшой, без морщинок, нос курносый, аккуратненький, волосики светло-русые, реденькие, но без залысин. Иной раз надевает очки, в золотой оправе.

Что еще я о нем знаю? Больше ничего! Но план, тем не менее, созрел как раз на чердаке, когда я в конце четвертого дня наблюдал за Лёнчиком.

Я знал уже, что делать. Так и сказал Эдит.

– Я знаю, что делать. Тебе и Геродоту придется мне помочь.

– Уже!

– Что уже?

– Уже готовы!

– Ты была примерной пионеркой?

– Кошмарной. Однажды прямо на праздничной линейке я на спор сняла с себя юбку и белую рубашку. Галстук оставила. Меня на две недели исключили из этой террористической детской шайки.

– Боюсь, этот опыт тебе пригодится.

– Какой? Пионерский?

– Он самый. Особенно связанный с раздеванием на линейке. Только галстук можешь не надевать. Колготки обязательны. Это возбуждает. Меня.

– Я не поняла, но, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Знаю.

– Что?

– Мы его похитим. Иначе все бесполезно. Под охраной и при власти он с нами говорить не станет. Ты с этим согласна?

– А куда мне деваться?

– Некуда.

– Ты точно знаешь, что делаешь? – повторив вопрос, она строго заглянула мне в глаза.

– До определенного момента – да. А дальше, как получится. Ведь что главное в бою?

– Что?

– Ввязаться в драку.

На том и порешили.

В досье появился следующий документ: «план похищения Ленчика Казимиrowa». Надо было еще придумать, где его прятать, этого Ленчика.

С этим делом помогли Рубинчики. У них еще осталась старенькая дачка по Ярославке, не доезжая пятнадцати километров до Пушкина. Я осмотрел дом. Всё подходит: два этажа с тесными влажными комнатками на каждом и крепкий глубокий подвал. Окна пыльные, одна стена глухая. Поселок небольшой, весь в зарослях дикого колючего кустарника и в разросшихся древних яблонях. Рядом с дачей забытый богом и хозяевами чей-то гнилой домишко с затопленной территорией в шесть соток и обсыпавшейся кровлей. Остальные дома далеко и разделены между собой густыми посадками. Между жалким домом Рубинчиков и дорогой на Москву с юга и юго-востока – огромное круглосуточно квакающее и жужжащее не то болото, не то цветущий пруд, а с северной стороны – поросший всякой колючей дрянью высокий холм, на который можно взобраться только стороны дома Рубинчиков и того, другого дома. То, что надо! Ори там, не ори – никто не услышит. Только голос сорвешь.

Я быстро выяснил, на всякий случай, чей тот соседский ветхий домик. Оказалось – расщепившейся еще лет восемнадцать назад семьи ученого-селекционера. Ученый вовремя умер, а его супруга не желает пускать сюда семью его младшей сестры, хотя своих наследников не имеет, и сама не ездит. Документы запутаны ею так же, как ржавая сетка-рабица, окружающая спорные шесть соток. Так что оттуда ожидать проблем не следует.

Рубинчики и покойный ныне селекционер приобрели эти два своих участка хитро – вроде бы по шесть соток, а склоны холма дают каждому еще по две сотки. Использовать их невозможно по естественным причинам – на них удержаться может только скалолаз-первострелник. Но приятно сознавать, что ты надул глупую администрацию – они все думают, что у тебя шесть соток, а ты знаешь, что – восемь. Одно это греет душу. Потом я узнал, что это была целиком идея Розы Карловны, сообразительной супруги Израиля Леопольдовича Рубинчика.

Я съездил еще раз на дачу, нашел в зарослях старую, но крепкую еще дубовую дверь и длинный шест. На ней, с помощью шеста, я совершил довольно опасное плавание по квакающему болоту и остановился там, где шест уже не доставал до дна. Эту часть подготовки я до поры до времени решил сохранить в тайне.

Потом я на всякий случай съездил в спортивный магазин в Пушкино и купил там две двадцатикилограммовые чугунные гири и надувную польскую лодку с двумя короткими вес-

лами. С трудом доволок все это до болота и надежно спрятал в кустах. На шумном хозяйственном рынке под Пушкино купил несколько мотков крепкой веревки и трехметровую цепь.

Еще я взял у моей Женьки цифровой диктофон со встроенным мощным микрофоном. Пригодится... Во время моей службы таких чудес еще не было. А тут вон какие удобства! Даже просто в руках подержать приятно. Или в кармане...

Я все время заводил себя, подогревая ненависть к Ленчику. Было не очень трудно. Пожалуй, самое легкое во всей этой истории.

Для усиления ресурса ненависти, которая и так переливала через край, я постарался выяснить, что означает название банка, где этот мерзкий тип состоял в должности первого вице-президента и был крупный акционером.

Оказалось, что такой банк раньше уже имел честь гадить. В ноябре 1906 года в Германии был учреждены так называемые «фрайбанки», продававшие беднякам несортное мясо, которое лишь теоретически было пригодно для употребления в пищу. Скажем, говядина с личинками какой-нибудь заразы попадает на прилавок после глубокой заморозки, а свинина, пораженная туберкулезной палочкой, нагревается до высоких температур в закрытых сосудах, чтобы как-то обезопасить или хотя бы усыпить эту стойкую палочку. Цены на такое мясо устанавливались «фрайбанками» в каждом отдельном случае свои. Малоимущие покупатели, не соображая чем им грозит такой провиант, были довольны. До поры до времени, естественно.

Так вот группа товарищей, в которую входил и наш Ленчик, учредили банк с таким же названием. С намеком, так сказать, на схожие технологии в других, еще более запутанных областях экономической деятельности.

Ох, как это меня возбудило! Хорошо, что я нашел ту информацию. Я вам покажу «Фрайбанк»!

План похищения Лёнчика созрел у меня уже окончательно. Перед тем, как приступить к его осуществлению, я собрал дома у Боголюбовых совещание отчаянных заговорщиков.

– Мы не заговорщики! – надменно заявил Рубинчик в первую же напряженную минуту, – Мы сами приговоренные. Приговоренные к нищете! Нас обобрала власть в лице ее типичного частного представителя Казиминова.

– Не надо обобщений, – прервал я его строго. – Власть тут сбоку-припеку. Вы сами подставили свои шеи под его удавку.

– Я не подставлял! – возмутился Рубинчик. – Меня к нему за шиворот привели.

– Изя! Заткнись! – рявкнула неожиданно Роза Карловна, которую эти тяжелые воспоминания всегда повергали в состояние отчаяния.

Роза Карловна опустила седую аккуратную голову, высвеченную какой-то благородной краской в пикантную синеву, и плотно сжала узкие, красивой формы губы. Я подумал, что когда-то она была очень хороша, к тому же, сумела сохранить в себе ту первозданную женскую энергию, которая заставляет мужчин восхищенно трепетать в ее присутствии. Израиль Леопольдович когда-то получил ее всю целиком и греется теперь около нее, когда от него самого осталась лишь малая часть.

– Иван натворил дел, – неожиданно спокойно констатировала Паня. – Но Ивана уже нет с нами... Что ж мы теперь будем голову пеплом посыпать до скончания века?

– Это что за намеки! – пружинно привстал и покраснел Израиль Леопольдович и тут же грохнулся назад на стул.

– Нет никаких намеков, – решительно прервал я закипающую ссору. – Если дело так пойдет, я умываю свои чистые руки и гашу буйный огонь в сердце.

Эдит усмехнулась и шепнула, словно сама себе:

– Чистые руки и горячее сердце – ископаемый артефакт тоталитарного прошлого. Теперь главное – холодная голова.

– Вот-вот! – подхватил Рубинчик. – Я это и имел в виду, когда сказал, что нас обобрала власть. Холодная голова, ледяной разум! Приметы настоящего! А где милосердие? Где уважение? Где признание заслуг... и тому подобное?

Эдит опять криво усмехнулась.

– Что это вы себе позволяете! – на этот раз вспыхнула Роза Карловна. – Вы почему так неуважительно ухмыляетесь?

– Я же тебе говорю, Розочка, это всё намеки! – на этот раз Израиль Леопольдович все же сумел подняться и гордо вскинуть вверх свой крючковатый нос.

Я посмотрел на него внимательно – невысокий, худой старик, с костистым лицом и тонкими, как у цыпленка, руками и ногами. Хотя не знаю, можно ли так говорить? У цыпленка все же крылышки какие-никакие имеются...

– Всё! Хватит! – я хлопнул ладонью по столу.

Все, включая унылого Геродота, вздрогнули. Одна только Роза Карловна строго свела брови.

– Командовать парадом буду я! ...как говорится у классиков провальных авантюр.

После этих слов я стремительно обошел стол. Меня уже потряхивало, как это обычно бывало перед началом операций. Остановиться я был не в состоянии, дело трепетало в руках будто птенец... цыпленок с худыми крылышками. Я улыбнулся этому сравнению и еще раз коварно посмотрел на хищный птичий профиль Рубинчика.

– Дамы и господа! – сказал я торжественно. – Прошу выслушать мой план.

Рубинчик не спеша уселся на стул и заговорщицки скосил большие карие глаза на Розу Карловну. В их встретившихся взглядах доверия мне не было. Покойный Иван Боголюбов научил их недоверию на всю оставшуюся жизнь. Роза Карловна нежно положила свою ладонь на худой полусжатый кулачок Израйля Леопольдовича.

План я изложил коротко, лаконично. Наступила мертвая тишина. Всем стало страшно. Оказалось, что горячие разговоры и гневные потрясения кулаками в воздухе закончены, начинается кровавое дело. Еще чуть-чуть и отступить будет некуда. Всем!

– А что, уважаемый. э-э-э Антон Анатольевич, – промямлил притихший вдруг Рубинчик, – другой дачи, кроме нашей с Розочкой, у вас на примете, я так понимаю, нет? Это я... как говорится, исключительно для уточнения спрашиваю...

– Изя! – вспыхнула Роза Карловна. – Господин Суходольский хочет нас всех повязать! Одной веревочкой! Разве ты не видишь!

Я сдулся и устало завалился на стул.

– Да как вам не совестно! – на этот раз вскочила на ноги до крайности возмущенная Эдит. – Энтони хочет нам помочь! Ему что, больше всех надо!

Израиль Леопольдович и Роза Карловна опять демонстративно переглянулись и противенько так усмехнулись, одной улыбкой на двоих. Похоже, эту тему они уже когда-то обсудили и все о ней знали. Сомнения давным-давно исчерпали себя.

– Эти ваши намеки, господа Рубинчики! – Паня решительно хлопнула сразу двумя своими полными ладошками по столу, как будто копируя меня. – Грязные намеки, я вам доложу! Вижу я ваши многозначительные переглядывания! Так вот, чтобы снять все подозрения, я торжественно заявляю: нет моего благословения браку дочери и господина Суходольского! Тогда, надеюсь, все подозрения о его личной заинтересованности сняты окончательно?

Я медленно обвел всех тяжелым взглядом. Меня, пожилого авантюриста, тут каким-то странным образом постоянно хотели окрутить – неизменным намеком на отказ в том, чего я ни разу не просил. Это было похоже на западню! Мне было интересно, чем вообще все это кончится. Сейчас кончилось восстанием Геродота.

Музыкант-алкоголик подпрыгнул на своем стуле и вдруг издал высокий, дребезжащий гортанный звук. Сидевшие рядом с ним справа и слева Роза Карловна и Эдит отшатнулись от него даже как будто с отвращением.

– Эх, вы! Люди, люди! – отчаянно заорал Геродот. – Одни грязные намеки! Одни интриги! Да разве об этом надо сейчас говорить! О том, что кому достанется? А принцип! Принцип уже не в счет? Заявляю – я отдаю свою личную долю Энтони, потому что для меня важно наказать Казимира за всю ту мерзость ... за его паскудство, которое позволило ему взлететь так высоко да еще охраняться со всех сторон! Я готов на всё! Я даже пить не буду... три дня!

Но это уж было слишком! Мое сердце больно сжалось. Такой жертвы от музыканта и алкоголика никто не ожидал.

– Молодец! – первой пришла в себя Эдит. – Умница! Еще лучше, если ты четыре дня не будешь пить... или даже пять.

Геродот, по-моему, уже горько пожалел о своей горячности, потому что он вдруг резко отошел на глазах у всех, побледнел и без сил отвалился на стуле.

– Геродот! – серьезно, суря брови, продолжила Эдит. – Если все удастся, я напьюсь вместе с тобой. Клянусь!

Она подняла вверх руку с двумя напряженными пальцами. Я еле сдерживался, чтобы не расхохотаться и тем самым не разрушить только-только нарождающееся согласие в отчаянном заговорщицком обществе приговоренных к нищете.

– А что будет потом? – трусливо спросил Рубинчик.

– Когда потом? – я знал, о чем он говорит и искренне наслаждался его испугом.

– Ну, когда всё... кончится, – острый кадык Израиля Леопольдовича несколько раз нервно пробежал по его тонкому, морщинистому горлу.

– Это будет зависеть от того, как себя поведет объект! – авторитетно ответила Эдит и в ожидании похвалы атаковала меня горячим возбужденным взглядом.

Я тут же чуть не завелся. Мне этот ее взгляд обычно разрывал душу и даже порой штаны. Я отвел глаза и многозначительно промолчал.

Все быстро закивали и напряжение спало. План окончательно утвердили.

Похищение

«В первой стадии операции участвуют следующие ресурсы...»

Так было написано в документе, подшитом к папке.

Итак, «человеческий ресурс» – Антон Суходольский, Эдит Боголюбова, Геродот Боголюбов.

Необходимый материальный ресурс – автомобиль марки «пежо» (каблучок), платный телефонный аппарат на углу дома Л. Казимилова, дачный домик Рубинчиков по Ярославскому шоссе, веревка, кляп, мешок черный, продукты на три дня в указанном выше дачном домике.

“Крайний” материальный ресурс – две двадцатикилограммовые гири, польская надувная лодка с веслами, цепь трехметровая, шест длиной в три с половиной метра, старая дубовая дверь и веревка длиной в два метра.

Запасной человеческий ресурс – чета Рубинчиков, доверившая ключ от дачного домика (находятся у себя дома безвыходно, до особого распоряжения), Паня (находится у себя дома с котом Моцартом до особого распоряжения)».

Далее указывалось следующее:

«Срочное приобретение трех сим-карточек мобильной телефонной связи и трех дешевых аппаратов. Карточки приобретаются с рук у юных жуликов прямо на улице около любой станции метро, под рекламным щитом. Отдельно оплачивается анонимность карточек, для чего А.Суходольским выделяется требуемая сумма, в дальнейшем подлежащая возврату со стороны приобретателей выгоды. Покупка телефонных аппаратов в каком-нибудь подземном переходе, в киоске. Во время всей операции (до конечной стадии) возможно использование только этих аппаратов и “симок”».

Я не написал там, что исполнение плана неукоснительно для всех. А напрасно! Анархия началась сразу, в первую же минуту. Ну, как профессионалу работать с таким личным составом?

Все началось поздно вечером в субботу.

В соответствии с планом похитить Ленчика-Европу должны были мы с Эдит. На даче нас ждал Геродот. Три анонимные мобильные трубки были распределены между мной, Геродотом и Паней. Она, в свою очередь, могла при необходимости связаться с четой Рубинчиков по обычному телефону и говорить с ними лишь утвержденным кодом. Например, когда операция по похищению Казимилова будет завершена, а он доставлен под опеку Геродота, Паня получит об этом сообщение от меня, после чего позвонит старикам и произнесет следующую фразу: «Большая птичка в маленьком гнезде». Это означало, что рано утром оба Рубинчика на электричке должны добраться до Пушкина, а оттуда на автобусе до развилки, в полукилометре от которой находится их дача, Геродот, Эдит и похищенный Казимиров. Мы устанавливаем график дежурства (по два человека через сутки) и ведем дальнейшую работу по изысканию обратно похищенных им средств. Две бригады вертухаев составляют Эдит и Геродота и Рубинчики.

Они возвращаются на день в Москву парами, высыпаются и приезжают вновь на смену дежурной пары.

Паня дежурит в Москве с котярой Моцартом, в своей квартире, и постоянно отслеживает всю официальную информацию, связанную с исчезновением такой заметной в финансовом мире фигуры как Ленчик Казимиров по кличке Европа. По анонимному мобильнику она обо всем извещает меня или Геродота, если я занят чем-нибудь неотложным.

Я постоянно курсирую между Москвой и дачей и веду упорную работу с похищенным мерзавцем. Кроме того, отвечаю за кормежку всех на даче и за отслеживанием случайных посе-

тителей этих мест. Ко всему этому, я постоянно получаю информацию от своих тайных агентов, с одним из которых встречаюсь в Москве на регулярной основе. В условленном месте.

В случае необходимости именно я должен «подчистить» все следы, а именно вычистить из реальности самого Ленчика. Это я в плане не написал, но понимал, что дело нешуточное и, возможно, придется пойти на крайние меры.

Далее у меня были припасены два варианта выплаты казимировского долга.

Первый предполагал быстрые и эффективные переговоры с ним в дачном подвале, вследствие чего он должен помочь нам получить достаточную наличность, полностью искупающую его вину, и после дачи определенных гарантий быть отпущенным на волю. Гарантия мною тоже предусматривалась – он письменно сознается в этом и в ряде других мошенничествах (о двух я уже знал из того же источника, который сообщил мне некоторые подробности о быте Ленчика, но о нем я не скажу даже под пытками). Если Ленчик развяжет язык, я открою ящик Пандоры и на воле ему покажется хуже, чем в подвале. Клянусь!

Второй вариант (в случае его дурацкого упрямства) состоял в получении выкупа из банка за жизнь этого гнусного типа. Тогда сумма должна увеличиться на порядок. Казимиров должен это понять и оценить по-своему. Захотят ли за его шкуру столько платить? Возможно, для него лучше заплатить сразу столько, сколько он должен. И тогда он сам захочет вернуться к первому варианту.

Вот это всё мною было изложено очень подробно в секретной папке. Кстати, там была и железная компра на Казиминова, которую я на всякий случай добыл из того моего единственного источника. В папке не было лишь имени источника. И никогда не будет!

Итак, суббота, поздний теплый вечер. Москва бессовестно гудела в наступающей ночи.

Мы с Эдит терпеливо сидели в «пыжике» рядом с въездом на подземную стоянку и ждали своего часа, а точнее, счастливой минуты. Счастье ее состояло лишь в том, что кто-то выедет на своем автомобиле из запертого электронным замком общественного гаража, Эдит тут же встанет около глазков фотоэлементов рядом с автоматическими воротами и таким образом не даст им закрыться. Я въеду внутрь, найду то самое 29-е место, то есть бокс с роскошным «феррари» нашего Ленчика. А дальше... А дальше все просто. Главное, чтобы этот тайный пьяница был дома один.

Но вот на этот раз Ленчик был как раз не один. Но мы это слишком поздно поняли – когда первая стадия операции уже подтолкнула нас вперед.

Ворота гаража медленно разъехались, и из темного, душного нутра выполз огромный черный джип, за рулем которого сидела незнакомая молодая блондинка.

Эдит быстро вышла из «пежо» и встала почти в створе ворот. Я успел крикнуть ей, чтобы она отвернулась от джипа, спрятала лицо. Джип притормозил немного, потом низко и мощно заурчал и стал забираться наверх, к выезду на улицу. Блондинка зыркнула по сторонам, опять остановила свой черный лаковый танк и тут я заметил в ее глазах какую-то растерянную мысль. Она приспустила окошка и выглянула назад, пытаясь разглядеть Эдит. Что-то ей подсказывало: эта дамочка не из их числа, не из гламурной элиты, а это подозрительно.

Блондинка достала мобильник и быстро набрала номер. Но тот, кто ей ответил, сразу вызвал у нее злобную реакцию. Она осклабилась, лицо стало похожим на мордочку хищного уродливого зверька.

– Да хрен с тобой! – услышал я ее визгливый, истеричный ответ. – Говорю, крутится здесь какая-то мочалка... Да пошел ты! Вам жить...

Я хотел было уже выскочить из «пыжика» и вызвать обратно Эдит, но джип вдруг завизжал огромными, тяжелыми колесами и будто спортивная машина вырвался на улицу, подрезав сразу два автомобиля. Раздались истеричные гудки. Стекло водительского места в джипе быстро поползло вверх. Блондинка исчезла за углом. Хороший у нас был кинематограф, местами. Когда это было сказано – «блондинка за углом»? Когда о джипах и подземных гара-

жах мы знали только по американским боевичкам? Теперь эти боевички, заодно и блондинки, наши, собственные. Как она сказала? «Да хрен с тобой!» – вот как она сказала.

Я выждал секунд двадцать и быстро направил «пежо» в створ гаражных ворот. Эдит вошла в гараж следом за мной. Ворота со скрипом сползались позади.

Найти 29-е место было не трудно, потому что один раз я здесь уже побывал, точно так же проشمыгнув в гараж, как на этот раз это сделала Эдит.

В боксе под номером 29 стоял красный, спортивный автомобиль, приземистый и кокетливый. «Феррари» – мечта нуворишей и безбашенного молодняка. На наших убойных рытвинах только такой автомобиль и необходим! Чтобы он черпал своим золотым днищем русское крошево асфальта.

«Да хрен с ним!» – блондинка права. Пусть сами думают, тупые черти!

Престижно быть тупым? Просто тупым – нет, а тупым и богатым – да. Потому что всё обнуляется богатством. Тут другая шкала ценностей.

А можно ли быть одновременно богатым и тупым? Богатый скажет – нет. А нищий – да. Я – нищий. Значит, можно. Так все революции делаются. И опять появляются богатые и тупые. И нищие никуда не деваются. Опять революция. Перманентный процесс.

А они, богатенькие и счастливые, нас, нищих и несчастных, считают тупыми. Тоже, наверное, правы? Но мы не согласны. Правда, им плевать, с чем мы согласны, а с чем нет. Потому что они... тупые.

Замкнутый круг. Из него выходят только с боем или со смертью. Ну, можно еще с выкупом...

Я встряхнул головой, чтобы отбросить от себя этот несвоевременный бред, остановил автомобиль в пустом боксе напротив 29-го места и вышел навстречу бегущей ко мне Эдит.

– Ты стоишь здесь, а я поднимаюсь вверх, к телефонному автомату. Дальше – по плану, – говорю я как можно спокойнее и показываю ей глазами на «пежо».

Эдит согласно кивает. Она возбуждена, покраснелась. Очень она мне нравится такой... и не такой тоже. Порывисто обнимаю ее и быстро целую в сухие, разгоряченные губы. Она решительно отталкивается и возмущенно смотрит на меня.

Действительно, кто тут профессионал? Я или она?

Слышу, как она хлопает дверцей «пыжика». Значит села в автомобиль и притаилась там. Умница! Хорошая ученица. Работает без сбоев.

Я почти бегом поднимаюсь вверх. Нажимаю кнопку на стене и ворота разъезжаются. Это сделано для уборщиков гаража и для тех, кто выходит наружу не по лестнице, ведущей в подъезд, а через ворота, прямо на улицу.

Телефонный аппарат висит почти на углу казимировского дома, под изящным козырьчком.

Поднимаю воротник куртки так, чтобы ни одна наружная камера не зафиксировала моего лица. Вставляю карточку в прорезь, достаю из кармана платок, наматываю его на руку и беру трубку. Ногтем указательного пальца другой руки набираю номер домашнего телефона Казимирова. Несколько раз гундошу себе под нос, проверяя, насколько можно понизить голос. Он должен быть неузнаваемым и в то же время естественным. Иначе Ленчик не поверит.

Он долго не берет трубку. Я уже стал нервничать, как вдруг чуть пьяный его голос ответил:

– У аппарата.

Я тут же включаюсь в игру, понимая, что через минуту обратной дороги уже не будет ни у кого.

– Вы хозяин 29-го гаражного места? «Феррари» ваш, красный?

– Мой! – голос Ленчика деревенеет. Он напрягся. Это потому, что «феррари» стоит дорого и любая информация о нем пугает.

– Из охраны говорят. Тут менты приехали. Крутятся вокруг вашей тачки. За ручки дергают. Считаю своим долгом сообщить. Это не наше дело... но вдруг чего-то!

Играю в тупого, внимательного охранника. Хозяину хочет услужить и ментов не любит. Он их больше не любит, чем всех хозяев вместе взятых. Это – психология! Конкуренция на диком рынке охранных услуг. Хозяева это тоже понимают и принимают – они на этом рынке только выигрывают, пока на другого хозяина не нарвутся. Поэтому Ленчик ничего проверять не станет. Он будет действовать, тем более, охрана сейчас явно на его стороне. И потом – причем здесь его «феррари» и менты! Кто дороже? Не менты же! Так чего они лезут? Чем им красный болид помешал? Какого хрена!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.